

Проблемы воспитания, развития и бытия личности

Анатолий Арсеньев

Россия в ситуации общемирового кризиса

Философский очерк

1. Введение

Россия «перестраивается». Но задумывались ли наши «перестройщики» о целях и перспективах жизни страны, о духовно-душевных качествах ее народа, о его «менталитете», ожиданиях, желаниях и надеждах? Отрицательный ответ, мне кажется, не вызывает сомнений.

Эта так называемая «перестройка» идет в условиях общемирового кризиса. В чем его причины? В какую сторону надо двигаться, чтобы получить хотя бы надежду на его преодоление? Каково возможное (и возможно ли оно вообще) послекризисное будущее? Каково место и роль России в этом будущем?

Я думаю, что именно философское размышление, всегда начинающее с всеобщего, может помочь в ответе на эти вопросы. Дело в том, что сегодняшнее наличное бытие может быть понято как *целое* в его истоках только при рассмотрении его с позиции «внеаходимости» (термин М.М. Бахтина), т.е. при выходе за его пространственно-временные пределы. Здесь и может помочь философия. Рассмотрение же по частям, нецелостное всегда будет давать *знание* массы подробностей и деталей без их *понимания*, т.е. без представления об их значении (*и назначении*) и необходимых органических связях и глубинных тенденциях.

Поэтому, чтобы понять Россию, нужно занять позицию «внеаходимости» не только по отношению к России, но и по отношению к наличному бытию Человечества в целом. А это — дело религии и философии (но и самопонимание религии, философии, их взаимоотношения, и современного их положения требует, на мой взгляд, в настоящее время радикального пересмотра). Потому приходится начинать с некоторых предварительных философских замечаний, являющихся предпосылками взгляда на Россию, изложенного в статье.

Тема эта столь обширна, литература, относящаяся к ней огромна, рамки жанра — статья — столь узки, что я заранее прошу извинения у читателя за краткость, схематизм и отрывочность представляемых соображений, за сокращение до возможного минимума обсуждения альтернативных позиций, ссылок, приведения цитат и т. д., т.е. всего, что именуется научным аппаратом. Приводимые схемы и аналогии прошу принять лишь как приемы, позволяющие что-то пояснить или на что-то намекнуть, не придавая им значения сколько-нибудь «доказанных» теорий или моделей описываемых процессов.

Философия — глубоко личностное, основанное на интуиции размышление-переживание. Область его — Человек и Мир, вернее, целостное отношение

Человек-Мир — *бесконечна*, и всякое ее понимание, являясь неизбежно определенным, и, следовательно, *конечным*, предполагает возможность других пониманий, смыслов и позиций, в том числе альтернативных. Поэтому я предлагаю свое понимание проблемы лишь как вероятностное, как приглашение подумать, привлечь внимание к ее философской стороне.

Исходными в предлагаемом размышлении являются:

— новое понимание философии и ее роли в современном мире;

Позиция внеаходимости по отношению к наличному бытию необходима для его понимания

Предмет философии — отношение Человек-Мир

Исходные позиции

-
- представление на основе этого понимания глобального кризиса современности как кризиса, связанного с концом фазы Неолита;
  - вытекающие из этого представления размышления о будущем и возможном месте в нем России.

2. О философии сегодня

Кризисы, которыми больно современное человечество, носят глобальный характер, созданы самим Человеком, и для того, чтобы понять их внутренние причины и смысл, Человек, как никогда ранее, остро нуждается в осознании своего места и назначения в Мире, в своем самоопределении, что и является задачей философии. Но никогда еще философия не находилась в таком небрежении: распространено даже мнение, что философия сыграла свою историческую роль и ничего нового дать уже не может, что философией ныне можно заниматься только в плане ее истории. Есть основания думать, однако, что философия вовсе не отжила свой век, а только находится хотя и в очень глубоком, но преодолимом кризисе. В условиях кризиса жизнь настолько изменилась, что все прежние формы философии, созидающей системы категорий, выясняющей отношения понятий, конструирующей мировоззрения, оказались неспособными ориентировать Человека перед лицом перемен. Из причин этой неспособности укажу здесь лишь, по моему представлению, главные.

Утеря непосредственной связи философии со своим религиозным истоком, основанием. Здесь, правда, я должен заметить, что имею в виду прежде всего западноевропейскую философию. Свяzano это с общим обмирщением, десакрализацией, секуляризацией жизни и мышления Запада, в том числе и религии. Западная философия постепенно теряла метафизическую глубину, приобщенность к Тайне Человека и Мира, интуитивность, уходя в гносеологию, логику и остроумные упражнения ума, становясь отчужденной от Человека формой знания (что давало повод причислять философию к науке и строить «научные» философские системы).

Способность философских категорий к самопорождению создает своего рода «соблазн» плести красивые диалектические кружева, погружаясь в увлекательные споры, в тонкую разработку деталей и нюансов, превращая философию из любви к мудрости в сложную замкнутую профессиональную область знания, доступную лишь специалистам, овладевшим соответствующей терминологией и технологией.

Наконец, сужение и другие особенности сознания современного «человека массы» (понятие, введенное Ортега-и-Гассетом. Человек массы — не личность, а, скорее, социальный функционер. Им может быть любой индивид независимо от его социального положения, образования и т.п.), прикованного к миру вещей, с отсутствием у него «метафизического голода», интереса к «последним вопросам» (названным так героями Ф.Достоевского, — вопросам о смысле жизни, о добре и зле, о Человеке, о Мире и Боге и т.п.).

Сегодня Человек стоит перед катастрофой, вызванной неорганическим (вещным, технологическим) характером его сознания и отношения к Миру. Он находится в состоянии тотального отчуждения от Мира и от самого себя, традиционная философия не в силах предложить ему путь возвращения к самому себе и к Миру, так как сама оказалась отчужденной от своего Начала и выродившейся в технологию (технологию мышления). А.Швейцер считал, что тем самым она предала свое предназначение.

За тысячелетия своего существования философия накопила громадное количество знаний о Человеке и Мире. В каждой серьезной философии кроме содержания, принадлежащего исторически определенным формам мышления и культуры (преходящего и отмирающего вместе с этими формами), есть также нечто, что остается непреходящим и может послужить опорой для попыток понимания настоящего и предположений о будущем. Для мыслителя, увлеченного проблемами наличной ситуации, это «нечто» может и не быть в центре его внимания, его системы, которая как целое отходит в прошлое.

Отношение к знанию, накопленному философией прошлого

Задача философии (как и религии) — выделить это непреходящее содержание. Это сделать, по-видимому, можно, если исходить из того, что так или иначе все мифологии, религии и философии (каждая в материале своей культуры и соответствующей форме сознания) всегда говорят, в сущности, об одном и том же, а именно об отношении Человек-Мир. И потому, рассматривая их через призму этого отношения, можно увидеть то содержание, по которому они сближаются, конвергируют.

Можно мысленно представить себе проблему Человек-Мир как некий конус с асимптотически уходящей в бесконечность вершиной, а различные мифологии, религии и философии — как многочисленные «ворота», ведущие внутрь этого конуса и расположенные вокруг его основания. Если войти внутрь конуса и двигаться к его вершине, то начинается сближение, конвергенция путей, проходя-

щих через все ворота. Опуская описание различных уровней этого движения (уровней спора, диалога, индивидуальности истины и т. д.), остановлюсь лишь на том уровне вневходимости, который я назвал «диффузным сознанием». Здесь интеллектуальная интуиция оттесняет дискурсию (логически доказательный путь) на роль вспомогательного средства. С этого уровня можно *непосредственно*, как бы «сверху», с позиции вневходимости мысленно *видеть* пути, идущие через различные «ворота», не отождествляясь ни с одним из них и вместе с тем имея их в своем распоряжении. Будучи сближены, размыты и внедрены друг в друга процессом конвергенции, эти пути представляют собой некое подобие диффузной среды или *поля*. Из этой среды или поля интенция (направленность внимания) может выделить, создать как некую «сингулярность» (резюмирующую особенность) — нужный в данный момент путь или смысл для рассмотрения *определенных конечных* проблем, предстающих в этом случае в их связи со всем диффузным полем Целого, как стороны или части этого *бесконечного* Целого, а затем снять эту направленность, и сингулярность исчезнет, оставив сознание свободным.

Представленная таким образом история философии позволяет увидеть крупные «блоки» и «потоки» идей, конвергирующие и проникающие друг в друга, независимо от философских направлений, в которых они возникли и споров между ними на уровне «ворот». Размышление на уровне диффузного сознания, мне кажется, может открыть путь к новому пониманию философии, позволяющему более или менее адекватно представить разворачивающийся глобальный кризис как *целое*. Это новое понимание философии не является предметом настоящей статьи, однако, чтобы сделать удобопонятным для читателя дальнейший текст статьи, на некоторых сторонах его необходимо кратко остановиться.

Предметом философского размышления, оказывается отношение Человек-Мир, взятое в его *всеобщей, бесконечной и одновременно целостной* форме (в рамках новоевропейского рационализма это является парадоксом, что, однако, не исключает возможности глубокого интуитивного проникновения в него и содержательного размышления, приводящего, правда, к парадоксальности самой философии, что вполне естественно, так как основание философии само является парадоксальным, как, впрочем, и сам Человек).

Первоначально появляется отношение Я-ТЫ, где ТЫ представляет бесконечное разумное Начало Мира, в соотно-

шении с которым образуется человеческое Я. Можно сказать, что вспышка рефлексии-трансцендирования во всеобщей форме образует самосознание, располосованное на бесконечные полюса Я и Ты. *Рефлексия* понимается здесь как процесс самоуглубления, самопогружения, обратной своей стороной представляющий *трансцендирование* — выход за пределы себя во вне, переход любых границ. Поэтому можно говорить о едином диалектическом процессе *рефлексии-трансцендирования*.

Я-Ты — первичное *непосредственное* религиозное отношение, возникшее до *опосредующих* конечных его форм в виде различных конфессий и ставшее основанием антропогенеза.

Отношение Я-Ты и его объективация как отношение Человек-Мир

Отношение Человек-Мир — результат вторичной объективирующей рефлексии, приводящей к трансцендированию и вначале к осцилляции между отношениями Я-Ты и Человек-Мир как проявлениями сторон единого отношения, а затем создающей возможность встать в положение венаходимости по отношению к первичному религиозному отношению Я-Ты и рассматривать отношение Человек-Мир как его рациональную сторону. Отношение Человек-Мир тем самым становится *объектом* рассмотрения и мысли, то есть появляется отношение Субъект-Объект. Становится возможной философия, а также создается возможность отчуждения Человека от непосредственного бесконечного Божественного «Ты» (а следовательно, и от бесконечного «Я», то есть от собственной сущности). Возникает необходимость религии как особой формы деятельности, приводящей Человека к первичному Я-Ты и тем самым противостоящей отчуждению.

Тогда *религия* предстанет перед нами как *самообнаружение* и *самовосприятие* Человека в Мире, а появление отдельных исторических конфессий означает, что *непосредственность* его связи с Миром как с Целым и с разным Центром Мира (связь, без которой Человек оказывается отчужденным от Мира и от самого себя, что теперь называется «дегуманизация человека») утеряна и нужна *специальная* деятельность для ее обеспечения.

Философия же может быть понята как *рационализированная* сторона религии, как *самопонимание* и *самоопределение* Человека в Мире.

Отношение Человек-Мир — парадоксальное (в рассудочной логике) отношение *бесконечных* целей. И это отношение возможно именно потому, что Человек, будучи конечным существом в плане своего физического земного бытия, одновременно бесконечен в *своих духовных потенциях*, в

способности (и необходимости) выходить в своем сознании за границы всего конечно определенного, трансцендировать. Это трансцендирование (лежащее, в частности, в основе всякого творчества) — форма, в которой как раз и преодолевается его конечность в плане наличного бытия и он оказывается приобщенным к сфере *потенциальной бесконечности* (ПБ), то есть бесконечности как *процессу развития (раскрытия) во времени*, полагания и «снятия» (превосхождения) всех конечных определенностей и в ходе эмпирической истории, и в мысли. Но «пространство» и «направленность» этого трансцендирования и сама его *возможность* связаны и вытекают из существования другой формы (стороны или ипостаси) бесконечности — *вневременной, означающей, что все, что может быть достигнуто в развитии (в сфере ПБ, во времени), уже так или иначе существует во вневременной (и внепространственной) сфере актуальной бесконечности* (АБ), соприкасающейся со сферой духа. С АБ, в частности, связана детерминация настоящего будущим, целью. (Вопрос этот также связан с проблемой свободы — одной из сложнейших в философии. Он здесь не обсуждается.)

Актуальная и потенциальная формы бесконечности

Представление о существовании АБ связано у меня и с представлением о существовании *метаэволюции* и *метаистории*, из которого я и буду в дальнейшем исходить. Это — сфера невоплощенных в эмпирическую реальность, не реализованных в формах конечных определенностей в ПБ, в эмпирической истории образов, форм, идей, смыслов, целей, символов разных уровней и степеней общности и т. д. (о существовании этой сферы свидетельствует масса фактов из области биологии, палеонтологии, истории, мистики, экстрасенсорного опыта и т.п.) и их непрерывного (на разных этапах развития — различного) взаимодействия с миром воплощения. В свете этого представления всякая, воплощенная в области ПБ (в реальном процессе истории) форма, проходит цикл развития во времени, будучи связанной как со своим собственным *прошлым* (причинная детерминация), так и со своим *будущим* — прообразом, «целью», исходящей из сферы АБ (целевая детерминация). Причем, когда энергия прообраза истощается, то одни только причинные связи уже не могут обеспечить устойчивость воплощенной формы, и начинается «энтропия информации», потеря определенности, разложение, наступает состояние «безмерности». Это — момент пластичности, бесформенности, хаотичности воплощенного бытия, его готовности принять новую форму, испытать «метаморфозу» (ближайший пример — метаморфозы на-

секомого, скажем, переходное состояние из гусеницы в бабочку). Есть основание думать, что в это время из связанной с АБ сферы метаэволюции (метаистории) появляется более энергичный новый, готовый воплотиться прообраз, который вытесняет истощенный старый, завершивший свою фазу развития.

В момент такой «безмерности» разрушающийся мир старых, эмпирически воплощенных форм встречается в квазихаотическом, неустойчивом, диффузном и потому восприимчивом, готовом принять новую форму «поле безмерности» с формообразующими импульсами, идущими из «сверхэмпирической» области метаэволюции (метаистории). «Подэмпирическое» («инфрафизическое») прошлое встречается со «сверхэмпирическим» («сверхфизическим») будущим.

Здесь под «безмерностью» имеется в виду некое парадоксальное, диффузное состояние, хаос, однако не абсолютный хаос, а такой парадоксальный «квазихаос», который пронизан прошлым и будущим, тьмой и светом, неспециализированностью, но и готовностью измениться, принять новую форму, свободой, но и детерминированностью будущим. Состояние «безмерности» заканчивается образованием новой формы, вступлением органической системы в качественно новую фазу развития, как правило — противоположную предшествовавшей. (Гегелевские «скачки», сопровождающие смену качества, и есть такие состояния безмерности. Можно показать их возможную «анатомию».)

Схематически можно представить себе ПБ как «горизонталь», протянувшуюся из прошлого в будущее, а АБ как «вертикаль» между полюсами духовности и телесности. (Этот образ часто используется в литературе¹). О своеобразной «распятости» Человека на кресте АБ и ПБ писали в той или другой форме многие мыслители. Она создает основное противоречие психики, внутреннюю трагедию, энергию и импульс личностного развития и находится за границами мышления научной психологии.)

Развивающаяся (раскрывающаяся), т.е. органическая система всегда включает в себя такое перекрестие «горизонталей» и «вертикалей», а Человек — еще и бесконечные их полюса. Рассматриваемый только как *индивид*, он — ничтожная пылинка, точка в мироздании, как *личность* он — выходящая из этой точки бесконечная «вертикаль», соизмеримая с Миром как Целым, входящая в отношение «неслиянности-нераздельности» с Богом. Человек только потому существо *трансцендирующее* (развивающееся, тво-

рящее) в ПБ, что он реально *уже трансцендентен* в духе, принадлежит АБ. Поэтому его развитие есть раскрытие его сущности, которая выступает для него как бесконечное будущее, как предназначенность.

Примем за исходную точку наших размышлений предположение, что всякая органическая система проходит обычно качественно различные (как правило, противоположные) *фазы* развития, отделяющиеся одна от другой состояниями «безмерности». И будем иметь в виду, что в отличие от механических систем для систем органических детерминация будущим (связанная с АБ) имеет преимущество перед детерминацией прошлым — причинной детерминацией (связанной с ПБ), особенно в состоянии «безмерности».

Фазовость органического развития

В «спокойных», эволюционных «фазовых» состояниях обычно функция детерминирует структуру, идет приспособительная к условиям среды эволюция. Возможно, что в это время какую-то незначительную роль играет и дарвиновский «механизм» эволюции. Главное же состоит в том, что пластичность органической системы позволяет ей приспособляться к меняющимся условиям среды, изменяя функцию вначале без изменения морфологии (структуры). Затем изменившаяся функция влечет изменение морфологии вплоть до создания новых органов, предназначенных для выполнения этой функции. Это, например, означает, что тюлени, бывшие когда-то наземными животными, не потому «полезли в воду», что у них вместо ног вдруг выросли ласты, но что изменилась среда их обитания, заставившая их плавать, и эта новая функция привела к превращению ног в ласты.

Когда же происходит «прорыв» АБ в ПБ, в эмпирической действительности возникает, воплощается новый образ *сразу как целое*. Такие «прорывы» получили в биологии название «*ароморфозы*». Например, появление нового биологического типа — позвоночных, которое вначале не давало никаких преимуществ приспособления к среде, и лишь впоследствии обнаружилось, *для чего* (детерминация целью) создавался позвоночник: он становится «осью», организующей целостность нового типа живых существ. Отсутствие «промежуточных», «переходных» форм в антропогенезе или в истории хорошо известно антропологам и историкам (многие из них еще продолжают надеяться, что эти формы могут быть найдены). Но поиск их в области причинной зависимости — а только такую и предполагает научное мышление — бесполезен, поскольку их основание лежит не во временной области, но в об-

ласти АБ). Состояние безмерности, «междуфаза» особенно благоприятно, как бы «предназначено» для таких прорывов. Таковы две дополняющие друг друга формы органического развития (раскрытия).

Следовательно, органическое развитие (раскрытие) протекает в двух формах: форме, *связанной с ПБ*, где главную роль играют частичные изменения адаптации к среде и господствует *причинная* детерминация, и форме, *связанной с АБ*, откуда может происходить «прорыв» в ПБ новой целостной формы и где и господствует *целевая* детерминация.

Следует отметить, что связи сверхэмпирической области АБ с эмпирической эволюцией и историей — областью ПБ — бесконечно многообразны. «Прорывы» АБ в ПБ могут принимать форму своего рода «*волн эволюции*». Такая волна, несущая определенные смысловые и формообразующие тенденции, проходя, может воплощать однотипные, похожие смыслы и образы в различных сферах жизни и в различном материале. Например, образуются похожие органы у разных существ (некоторые биологи, например, удивляются похожестью глаза осьминога на глаз человека), возникают бабочки, трудно отличимые от ос или мухи, при определенном движении крыльев и лап создающие образ паука определенного вида, или жуки, собирающиеся вместе, воспроизводя образ цветка, и т.п. Природа «играет» формами и образами. Некоторые философы и историки говорят об «осевом времени», когда во многих регионах Земли произошли похожие изменения в сознании и культуре народов. Возможно, что «волны пассионарности» Л.Гумилева связаны с этими же процессами. Некоторые эзотерические учения говорят о том, что разделение полов и половое размножение также появилось у большинства существ, населявших Землю, в одну определенную эпоху.

Можно говорить о «параллельной» эволюции, о «волнах» или «фазах» разных масштабов, иногда захватывающих громадные регионы и даже глобальных. Это заставляет задуматься о планетарной связности и целостности органической эволюции, включая сюда и человечество, и саму планету.

Обычно фаза глубокой *рефлексии* является началом органической системы. Она создает энергетическое ядро, обеспечивающее целостность системы, достаточно мощное, чтобы открывшись, *трансцендируя* в окружающую среду, система могла противостоять разлагающим ее целостность энергиям среды. Поэтому всякая органическая система имеет иерархическое строение с центром и периферией.

Мыслобраз «волн эволюции»

Органические системы разных порядков создают иерархию, причем каждая из них, являясь относительно самостоятельным самоуправляющимся, имеющим внутреннюю структуру целым, в составе системы более высокого порядка выступает как атомарная и потому система более высокого порядка может управлять ею, не вдаваясь в детали ее внутренней структуры. Здесь открываются новые и интересные возможности управления системами, о которых, однако, в статье говорить невозможно. На этом я заканчиваю это сверхкраткое философское введение, надеясь, что оно поможет читателю в понимании дальнейшего изложения.

3. Понимание современного общего кризиса как кризиса неолита

Исходя из предложенного выше представления об органической системе и путях ее развития, есть все основания рассматривать кризисы, с которыми встретилось современное человечество, как проявления некоего *единого общего кризиса*, знаменующего собой разложение громадной *фазы* исторического развития — всех форм жизни, связанных с определенной стадией антропогенеза, начало которой было положено неолитической революцией. Разные исследователи датируют неолитическую революцию по-разному (в среднем от 15 до 30 тысяч лет назад), а также по-разному определяют ее сущность. Например, одни главным в неолите считают переход от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству, то есть к производству; другие — зарождение поверх кровнородственных связей отношений социальных, то есть общества в собственном смысле слова, третьи — оседлый образ жизни и связь с землей (зарождение деревни и соответствующих форм землевладения и землепользования) и т. д. Безусловно, все это — существенные характеристики. Но взгляд с уровня диффузного сознания и представление об органической системе позволяют с более глубокой и общей точки зрения увидеть ход антропогенеза и место в нем неолитической революции. При этом существенно изменяется и ставшая привычной в науке картина происхождения человека. Мне кажется, что *антропогенез в целом навсегда останется тайной*. Но можно расширять представления о нем, углубляясь в эту тайну. Например, выходя за пределы научного мышления, но все еще оставаясь в рамках рациональности, как было сказано выше, можно предположить, что не человеческий мозг создал человеческую мысль, а наоборот, человеческая мысль —

как появившаяся новая функция — создала человеческий мозг и всю морфологию человека. Это значит, что вспышка рефлексии-трансцендирования, приведшая к образованию самосознания (о чем говорилось выше), должна была произойти еще даже не в собственно человеческом мозге, чтобы началась уже не биологическая, а собственно человеческая эволюция. Пожалуй, ее можно назвать «сверхбиологической», поскольку началом, ведущим весь процесс (в том числе изменения морфологии, включая мозг, которые обычно принято относить к биологическим), стало именно *самосознание*, а биологические факторы заняли подчиненное положение. Этот момент, очевидно, и есть начало человека разумного. Можно предположить, что через земную жизнь прошла одна из «волн эволюции», несущая возможность самосознания и духовного развития. В существах, «дозревших» до реализации этого ее импульса, она вызвала к жизни самосознание различной степени глубины и устойчивости, поставившее их в начало возможной человеческой эволюции.

Но возможно также и предположение о воплощении из сверхэмпирической сферы АБ сразу целостных форм (например, кроманьонца, существовавшего некоторое время вместе с неандертальцем и обладавшего в определенный период примерно тем же уровнем материальной культуры) с последующей приспособительной, или наоборот, приспособляющей творческой эволюцией. В этом случае наше представление будет в той или другой степени конвергировать с *креационизмом*. Нельзя отвергать и *традиционализм*. Все эти предположения несут в себе какие-то стороны истины (неизбежно также односторонние и ограниченные), способные конвергировать. В данном тексте я придерживаюсь картины, которая может получиться все еще в ограниченных рамках рационализма при выходе за его конечную новоевропейскую научно-вещную форму.

В эволюции всякой органической системы переход на новую качественную ступень всегда связан с появлением новых степеней свободы и возможностей развития и потому обычно связан с появлением целого «букета» новых форм, из которых только немногие обретают возможность перейти на следующую ступень (что специально отметил Тейяр де Шарден). Остальные уходят в сторону, тормозятся, регрессируют. Мне кажется, что это также может быть связано с энергетическими и формообразующими процессами в области метаэволюции.

По-видимому, также и в момент перехода от биологической к человеческой эволюции возникло большое разнообразие «кандидатов в человеки», но не все выдержали «кандидатский экзамен». Многие «ушли в сторону», затормозились во внутреннем психическом развитии, деградировали, растворились снова в животном мире. Поэтому в начале антропогенеза среди похожих по внешнему облику существ могли встречаться и животные, и люди, и «полулюди», и развивающиеся, и деградирующие. (Возможно, «снежный человек», «лесные люди» и им подобные вне современного человечества живущие существа — следы «взрывов», некогда вызванных прошедшими «волнами эволюции».)

Иерархичность строения органической системы

Из этого представления об антропогенезе следует принципиальная невозможность определить возникновение человека по костным останкам, поскольку его отличие как существа, обладающего самосознанием, от антропоида в начале антропогенеза лежало не в области морфологии, но в области сознания. По-видимому, в течение большей части периода палеолита (возможно, до появления кроманьонца) существовала достаточно серьезная опасность деградации вновь в животное состояние. Так, некоторые, дожившие до нашего времени, обычаи, обряды, формы табуации и сложные правила брачных отношений в «отсталых» обществах и племенах могли быть в свое время связаны именно с задачей создания своего человеческого мира, отличающего, отграничивающего себя от мира животного, сохраняющего его от «растворения» в животном мире, которое возможно при недостаточной энергетичности собственно человеческого внутреннего обособленного ядра самосознания (тем более, что сходство телесное между людьми и «нелюдьми» могло в значительной степени задержаться и сохраняться). По-видимому, некоторые из этих народов, которые ныне принято считать социально отсталыми, недоразвившимися, прошли свое возможное для них «акме» и идут ныне именно по пути деградации. Попытки включить их в современную цивилизацию либо растворяют их в ней, либо ускоряют их деградацию. Существуют различные аргументы, позволяющие выдвинуть такую гипотезу. Приведу один из них. Аборигены Австралии, *морфологически* почти не отличающиеся от *современного* цивилизованного человека, в *культурном* отношении стоят *ниже* уровня, достигнутого *неандертальцами*, сохраняемыми в своем облике обезьяноподобные черты, что, при учете ведущей роли изменения сознания (а точнее, психики, включающей область бессознательного), позво-

ляет предположить регрессивный ход эволюции австралийских аборигенов.

Решающее значение для собственно человеческого развития имело в палеолите удержание и постоянное воспроизведение указанного выше первичного религиозного отношения Я-Ты в его неслиянности-нераздельности с отношением Человек-Мир, — своего родства, причастности Миру как целому [1]. Только такая настроенность психики создавала мощное энергетическое ядро — человеческое Я, — что позволяло удерживать прочную связь с областью АБ и, следовательно, с собственным будущим, трансцендируя и принимая соответствующие энергии и «волны эволюции», развивающие «приемную станцию» — мозг с огромным запасом мощности.

Одним из средств воспроизведения и закрепления всеобщего отношения Человек-Мир, а следовательно, и создания своей, отличной от животных, формы существования, явилось палеолитическое искусство. Как известно, долгое время наука не признавала его, считая просто фальсификацией. Затем пыталась свести его содержание к производственной магии. Когда же пришлось признать *космологический* характер его сюжетов, это вызвало крайнее удивление, так как противоречило научным взглядам на антропогенез. Вот как выразил это отношение антрополог В.Е. Ларичев, исследовавший стоянку палеолитического человека в Хакасии около деревни Малая Сья... «магические камни» Малой Сьи иллюстрируют первозданные мифы людей древнекаменного века об эволюции мироздания и образно воссоздают его структуру. Появление столь сложных понятий у человека, жившего около 34 тысяч лет назад, поражает и на первый взгляд кажется просто невероятным. Но слишком очевидны совпадения образов искусства Малой Сьи с космогоническими сюжетами индоевропейского, например, эпоса, нашедшими отражение на страницах священных книг типа «Махабхараты», «Ригведы» и «Авесты», чтобы с уверенностью утверждать подобное» [2]. «Такое прочтение искусства Малой Сьи не может не поразить в свете традиционных представлений об интеллекте первобытного охотника, будто бы увлеченного лишь одним — добыть себе пропитание. Теперь можно осмелиться предположить, что это было не так... Всё это настолько неожиданно, что столь резкая качественная переоценка уровня достижений наших далеких предков в познании природы кажется поначалу просто невероятной» [3].

Космологическое содержание
палеолитического искусства

С предложенной же точки зрения на антропогенез именно так и должно быть. Это приводит также к представлению о фазах антропогенеза, сменяющих друг друга. Тогда неолитическую революцию можно рассмотреть как смену крупнейшей фазы антропогенеза — палеолита — на *противоположную* ей — неолит.

Термины «палеолит», «неолит», «неолитическая революция» не соответствуют приводимому здесь пониманию. Я их использую как «привычные», вошедшие в «научный обиход». В моем представлении эти периоды различаются не «каменной индустрией», а переходом от фазы внутреннего саморазвития (самораскрытия) Человека (его сознания и морфологии) к противоположной фазе господства развития внешних орудий и орудийной деятельности. Этот переход и определяет содержание и сущность «неолитической революции». Палеолит — фаза *внутреннего* органического саморазвития Человека, его самосознания и морфологии (от обезьяноподобной до современной) *при почти неизменном внешнем орудии труда* (каменное рубило, каменный топор и т.п.). Неолит — фаза *противоположная* — развития *внешних* орудий (от каменного топора до современного научного производства) *при практической неизменности* (скорее, даже деградации) самого Человека. Нельзя также исключить и возможности, что, например, неандерталец, кроманьонец и Homo Sapiens появились сразу готовыми как воплощения прообразов из сферы метаэволюции.

(Подготовка неолитической революции — так же как и начало антропогенеза — должна была происходить в сфере сознания и была, по-видимому, связана с влиянием метаэволюционных «программ», возможно приведших к появлению кроманьонца и началу угасания ветви неандертальцев.)

В палеолите господствовало *непосредственное* религиозное отношение к Миру как целому, но постепенно Человек начинал утрачивать (причины этой утраты я здесь не касаюсь) первенство этих интимных связей с космосом, теосом, Миром как целым, меньше ощущал свою причастность к Вселенной, что означало утрату целостности и начало его отчуждения от Мира как целого («отпадение от Бога» — в христианстве. Традиционализм, отмечая это явление, считает, что каждый раз должен появляться новый, облеченный харизмой пророк, миссия которого — восстанавливать утраченный уровень духовной жизни. Креаци-

Неолитическая революция — смена фазы развития на противоположную

онизм считает, что полноценное восстановление невозможно, и в целом идет деградация, приближая конец Мира). Вместе с тем утрачивались и соответствующие знания и способности, реликты которых кое-где еще сохранились как практика колдунов, шаманов, лечителей и такие, которые относят сейчас к области парапсихологии. Человек утрачивал власть над бесконечной областью собственной психики, акцентуируясь и специализируясь на рациональном мышлении.

Утрата ощущения и осознания своей бесконечности и единства с Миром привела также к утере *непосредственной* связи Человека со *сверхфизическими* областями жизни и развитию специальной *опосредующей* технологии этой связи (магии, колдовства, алхимии и т.д.), а также к поклонению хтоническим (связанным с землей) богам и т.п. Целостность отношения Человека к Миру — Монотеизм — сохранился лишь в отдельных эзотерических учениях.

Неолитическая революция привела к вытеснению этого *целостного непосредственного* отношения к Миру *рационально опосредованным* знанием и орудийно-технологическим отношением к нему как к объекту деятельности. Это постепенно изменило весь психический строй Человека. Тогда, как уже говорилось, и стала нужна особая «служба связи» Человека с разумным началом мира — религия в форме определенных конфессий — как особый вид специальной общественно-профессиональной деятельности. Возникли ее исторические формы, взявшие на себя основную функцию палеолитического искусства, которое постепенно исчезает.

Появляющиеся в неолите социальные отношения не устраняют кровнородственных, а как бы накладываются на них, очень медленно оттесняя их на «задний план», погружая их исторические истоки в бессознательную область (образуя нечто подобное «архетипам» К.Г. Юнга).

Следует отметить, что приведенное представление о Неолите относится в основном к Западной ветви истории. По-видимому, сначала долгое время идет единый медленный процесс развития, низкая скорость которого определяется цикличностью и монотонностью деревенской жизни и производства. Затем происходит дивергенция (связанная, мне кажется, с *метаисторическим* разведением АБ и ПБ), выделяются две основные ветви истории — Восток и Запад. Восток замедляет развитие, как бы воплощая и «фиксируя» в эмпирической истории черты АБ, и отгораживается в пространстве от иностранных влияний; Запад начинает движение в области ПБ, проходя различные качест-

Восток и Запад как две ветви истории, определяемые актуальной и потенциальной бесконечностью

венные ступени (например, период европейского средневековья — своеобразное частичное отклонение в АБ и в отношении Человек-Мир), ускоряясь, приобретая в наше время почти взрывоподобный характер, осуществляя экспансию своих форм жизни практически на весь мир, за исключением (обратим на это внимание!) России. Именно это экспансивное развитие западной цивилизации — одна из основных причин современного глобального кризиса.

Роль христианства для всей западной ветви истории состоит в том, что его возникновение есть «начало конца» Неолита. Его задача — вырвать Человека из порабощения кровнородственными, природно-стихийными и возникшими в неолите социальными связями, вернуть его в сферу отношения Человек-Мир, понятого прежде всего как духовно-личностное, как отношение Я-ТЫ, что позволяет Человеку стать целостной личностью, могущей войти с Богом в отношении «неслиянности-нераздельности» и сделать вторичными перечисленные связи.

Историческая роль христианства

Как и в начале антропогенеза, преобразование должно начаться в сфере Духа, самосознания. Христианство его начинается. Апокалипсис — предчувствие и образно-символическое представление завершения этого конца Неолита, вступления в область «безмерности», за которым должно следовать «все новое».

Тем временем, в *эмпирической* истории Запада продолжалось развитие орудий и технологического отношения к Миру, создавших постепенно самовоспроизводящуюся систему, в наше время фактически вышедшую из-под контроля человека и поработившую его, превратив в часть, в компонент самой себя.

Господство отношения Субъект-Объект в западной цивилизации

Господство отношения Человек-Мир выродилось в господство отношения субъект-объект, являющееся характерным для новоевропейского рационализма в целом, включая новоевропейский здравый смысл, философию и науку. В своей основе оно не является органическим (не может включать духовную «вертикаль»), но технологическим, «вещным». Вещное отношение — отношение «неживых» вещей, неорганическое, подчиняющееся «слепой» («механической») необходимости, исключающее рефлексии и свободу, а следовательно, исключающее личность.

Наука есть знание о мире вещей и вечных отношений, а «научная картина мира» есть картина не Мира как целого, но лишь его вещной проекции. Поэтому в этой картине Человек не предусмотрен, по меткому замечанию С.Л. Рубинштейна, ему в ней «негде находиться». Также современное машинное производство, являясь неорганическим, с неот-

Несорганичность современного производства — одна из причин экологической катастрофы

вратимой неизбежностью приближает Землю к экологической катастрофе.

Запад развил это производство, опираясь на провозглашенный христианством принцип личности как ценности (хотя и в значительной степени исторически искаженный). В дальнейшем само это производство вошло в противоречие с личностным развитием, требуя в качестве рабочей силы не личность, а «частичного человека».

На Востоке, существовавшем под эгидой АБ, личность в социальном плане никогда не была достаточно проявлена, и вообще социальный план жизни так не эволюционировал, как на Западе (социальное развитие — область ПБ). Сохранялись в значительной степени родовые, патриархальные и общинные отношения, а государство старалось обеспечить их неизменность. В социальном плане человек оставался частичным, связанным групповыми, патриархальными и общинными отношениями и соответствующими формами сознания. Эти формы активно антиличностны (например, так называемый японский группизм), но зато делают человека прекрасно приспособленной *рабочей силой*, в том числе и для современного производства. Этим объясняется сравнительная легкость проникновения в восточные страны современной технической цивилизации, несущей высокий уровень жизни, а за ним и вырождение ее духовной стороны.

Этой «вторичной колонизацией» Востока Западом, а также мышлением в рамках новоевропейского рационализма и его науки, видимо, и следует объяснить появление в 1989 г. нашумевшей статьи Ф.Фукуямы «Конец истории?» [4], где автор полагает, что западный образ жизни станет господствующим в мире и «история прекратит течение свое», а человечество, научно и технически разрешив все проблемы, будет, по мнению автора, пребывать в вечном, скучном и печальном «процветании».

Между тем именно новоевропейский рационализм и соответствующие формы жизни ответственны не только за нынешний экологический кризис (Восток и «третий мир» вносят свою лепту безудержным увеличением населения, что Н.А. Бердяев назвал бы победой родового начала над личностным, количества над качеством. К нему присоединились бы многие мыслители, например, Р. Генон), но и за то, что, отчуждая Человека от его Всеобщего Истока и Начала, ведут его к духовной, личностной, нравственной деградации. Импульс, данный христианством, почти угас, и Запад с его господством вечности лишь по недоразумению продолжает считать себя христианским.

Диалектическая связь будущего с прошлым такова, что будущее, отрицая настоящее, в более конкретной форме, на новой ступени развития «возвращается» к общим фундаментальным основам предыдущей фазы.

Прообразом будущего, отрицающего новоевропейское господство вещиности и утверждающего приоритет духовных основ жизни, Н.Бердяев считал европейское средневековье. Он даже называл это будущее «новым средневековьем». Это было около 70 лет назад. Мне кажется, однако, что за последние десятилетия проявилась такая глубина кризиса, ставшего глобальным, и он захватывает такие глубокие и древние слои психики, что приходится предположить завершение фазы гораздо большего масштаба, имеющей основания не в средневековье, а в сущности самой неолитической революции.

Современные глобальные кризисы, включая нравственный, демографический, экологический, национальный, геополитический, а также общесоциальный (под которым я понимаю кризис социальной жизни как таковой, в какую бы конкретную форму она ни была облечена, в том числе в форму западной демократии) связаны с фазой развития человечества, которая ведет свое начало от неолитической революции.

Современный глобальный кризис —
следствие неолитической революции

Эта фаза, приведшая к вытеснению органического целостного отношения Человека к Миру его вырожденной формой — абстрактно односторонним отношением субъекта к объекту, находит свое завершение в господстве технологически-вещного отношения. В результате — тотальное отчуждение Человека от Мира и его разумного начала, а тем самым и от своей собственной человеческой сущности.

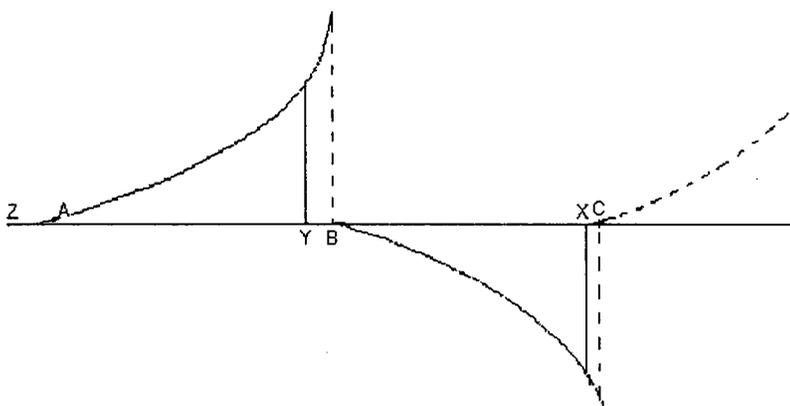
Всеобщий характер кризиса прожитой и доживаемой ныне человечеством неолитической эпохи приводит к тому, что из него нельзя уже выйти посредством тех или других частичных мер. Никакими научными и технологическими средствами преодолеть его невозможно, поскольку это кризис самого научно-технологического отношения к Миру, включая соответствующее научное мировоззрение. Любые меры могут в лучшем случае лишь отсрочить на некоторое время надвигающиеся катастрофические события, связанные с состоянием безмерности и переходом в новую фазу. Однако все эти меры (охрана окружающей среды, разработка мало- энерго- и материалоемких технологий, пропаганда разумного аскетизма, включая снижение рождаемости и т.д.) необходимо, конечно, предпринимать, дабы получить эту отсрочку, дающую надежду на формирование нового сознания и отношения к Миру. (Однако оно может из АБ прорваться в ПБ и сразу как целое, расколов

человечество на часть, готовую его принять и к нему неготовую.)

Кризис научно-технологического отношения к Миру

Предлагаемая ниже схема не является ни теорией, ни моделью, а лишь наглядным образом, намекающим на идущие в глубине диффузные колоссальной мощности процессы антропогенеза, выражающим его общие тенденции и позволяющим указать место в нем современной эпохи. Этот образ — не единственно возможный, но, наоборот, предполагает и иные образы и интуиции, выражающие другие стороны этого бесконечно многообразного, до конца непостижимого процесса. Но для целей, преследуемых настоящей статьёй, именно приводимая здесь его сторона кажется мне наиболее существенной.

Схема фаз антропогенеза:

На этой схеме выше горизонтальной линии (она же — ось времени) лежит область самоизменения Человека, под ней — область развития внешних орудий, орудийной деятельности, вплоть до современной западной цивилизации, которую К.Маркс удачно назвал «неорганическим телом человека». По вертикали отмечается скорость соответствующих изменений.

Точка «А» — насчитывающее несколько миллионов лет — начало морфологического превращения нашего обезьяноподобного предка в человека современного физического облика. Для нас важнее точка «Z» — вспышка рефлексии-трансцендирования, предшествовавшая морфологическим изменениям и повлекшая их за собой. Установить ее место по костным останкам невозможно, но именно она и есть момент возникновения «Человека Разумного», так как с этого времени вся дальнейшая его эволюция не определя-

ется уже господством биологических законов (как «свое другое», как «вторичные» они, конечно, продолжают действовать), но возникшим самосознанием — еще примитивным, (еще не осознающим себя «бессознательным самосознанием» — да позволен будет такой парадокс по аналогии с гегелевским вначале неосознающим себя духом), но именно в своей примитивности всеобщезелостным. Здесь возникает «назначение» Человека — реализовать себя как универсальное, духовное существо (по Н. Бердяеву, стать соратником Бога в творчестве).

Точка «В» — отстоящая от нас на несколько десятков тысяч лет, — неолитическая революция, переход через состояние безмерности, начало новой фазы антропогенеза — неолитической. Ей предшествовала точка «У» — внешне еще не выраженная эпоха изменения сознания, психики, возможно связанная с появлением кроманьонца (если кроманьонец не возник независимо и сразу как новый целостный образ).

Точка «С» — внешне выраженный кризис неолитической эпохи, состояние безмерности, переход к будущей постнеолитической эпохе. Точка «Х» — возникновение и распространение христианства, знаменующего конец неолита в сознании, ориентирующего снова на саморазвитие Человека, теперь уже прежде всего как духовного существа. Современный мир находится вблизи точки «С».

Пунктирная линия, уходящая вправо-вверх от точки «С» — возможное будущее «постнеолитическое» органическое развитие (раскрытие) Человека, «снимающее» развитие цивилизации как его неорганического тела. Вместе с этим снятием исчезает власть над Человеком тотального вещного отчуждения.

В показанном на схеме постнеолитическом будущем отношении Человек-Мир (и находящееся с ним снова в неслиянности-нераздельности Я-Ты) будет естественным началом любого человеческого размышления и необходимость профессиональной философии станет проблематичной.

Показанное на схеме будущее само весьма проблематично, так как для его осуществления надо пережить современный глобальный кризис.

Следует еще раз заметить, что приведенная схема весьма примитивна, представляет собой попытку отразить лишь общую тенденцию и с определенной связанной с темой статьи стороны. Она не учитывает многих других возможностей, обсуждение которых потребовало бы слишком много места.

4. Россия в современной глобальной ситуации

Пытаясь дать какую-то общую схематическую картину современного состояния человечества, я бы, пожалуй, рискнул составить ее из трех основных компонентов: Восток, постепенно озападнивающийся; Запад, с его быстро и экспансивно развивающимся рационально-технологическим, вещным отношением к Миру, и Россия.

Так называемый «третий мир» постепенно размывается, страны, которые традиционно принято в него включать, либо пытаются освоить западные формы жизни, либо стагнируют, либо регрессируют, причем столкновение с западной цивилизацией ускоряет эту регрессию. Вместе с тем нельзя не учитывать возможную большую роль «третьего мира» и мира ислама в будущем как силы дестабилизирующей, ускоряющей процессы распада современной цивилизации. Быстрый рост народонаселения, возрастание агрессивности и экспансионистских тенденций, консолидации значительной части населения вокруг соответствующих идей панисламизма делают этот мир взрывоопасным. Вместе со вспышкой национализма в наше время в самых различных регионах Земли — это один из показателей «сопротивления» неолита (в наше время концентрированно выражающего себя в мире рыночной экономики), на самом деле ведущий к ускорению его распада.

Россия остается единственной страной, в определенном — и достаточно существенном — смысле «чуждой» как Востоку, так и Западу. Не относится она и к «третьему миру». Она не приняла, несмотря на татаро-монгольские нашествия, восточных форм жизни, хотя они наложили на нее печать «азиатчины». Не принимает она, в общем, и формы, являющиеся основой новоевропейской жизни, несмотря на многочисленные в ее истории попытки внедрения их в русскую жизнь.

Последняя из них (если исключить нынешнюю «перестройку») была в феврале 1917-го. Она также оказалась неудачной, так как почти немедленно за нею последовал Октябрь, обернувшийся невиданным террором, который поставил страну в антагонистическое отношение к Западу и на новой основе фактически возродил крепостное право. (В довоенные времена аббревиатура ВКП(б) расшифровывалась: «второе крепостное право большевиков»).

Что же из себя представляет современный «благополучный», «цивилизованный» Запад с точки зрения возможностей развития личности, то есть индивида, обладающего бесконечной внутренней свободой и столь же бесконечной нравственной ответственностью?

Качественное отличие России от Востока и Запада

Русская литература и русская философия достаточно убедительно показали противодействие современных западных форм жизни внутреннему духовному развитию личности, ведущее постепенно к ее деградации. (Я не останавливаюсь в данном случае на самокритике Запада, также широко представленной от Руссо до Шпенглера и Тойнби. Мне кажется, что русские мыслители, благодаря тому, что, осваивая западную культуру, внутренне не самоотжествлялись с ней, оставаясь в позиции внеаходимости, сумели в критике западных форм жизни проникнуть более глубоко. Этому способствовало и понимание ими религиозных основ жизни, где также большинство из них выходило за пределы официальной церковной религиозности.)

Материал, касающийся отношения русских мыслителей к христианскому Западу, столь, однако, велик, что даже простое перечисление работ потребовало бы места, превышающего объем настоящей статьи. Остановлюсь поэтому кратко лишь на том, как выглядит западная демократия (ныне — образец для многих наших реформаторов) с точки зрения изложенного выше представления об органических системах.

Харизматическое лидерство нормально для органической общественной системы

Включая рассмотренную выше «вертикаль» АБ (духовное измерение Мира), органическая система всегда имеет иерархическую структуру, которая «растет» своей вершиной, определяющей подъем всех ниже лежащих «этажей». Именно поэтому элитарна культура. Поэтому же нормальным, органическим следует считать в обществе лидерство харизматическое (от «харизма» — благодать) — то есть такое, которое получает (благодаря своей причастности к «вертикали») право и мудрость руководить «свыше» и перед этим «свыше» чувствует и несет ответственность за свои действия. Авторитет харизматического лидера не определяется его социальным положением. Наоборот, его социальная значимость определяется его духовным авторитетом, верой населения в его особую, дарованную свыше миссию, объединяющую народ в единое органическое целое.

Однако в истории можно проследить, как общества, первоначально харизматически объединенные в органическое целое, постепенно теряли эту органичность, вырождались. В ходе этого процесса социальные структуры из средства обслуживающего харизматическое лидерство, постепенно превращались в самодовлеющие механизмы, становились самоцелью. Общественное устройство, сохраняя внешнюю видимость органической иерархии, на самом деле превращалось в пустую оболочку, уже не несущую в себе духовное содержание и связь с областью АБ.

Утеря харизматического лидерства и «энтропия» органических общественных систем

На заре неолита, когда социум начал образовываться поверх кровнородственных отношений, сила, объединявшая данное сообщество в единое целое, долгое время приписывалась мифическому родовому началу — тотему, и харизмой наделялись люди, связанные с этим началом и через него со сверхчувственной сферой богов и духов. С моей точки зрения, это было уже деградацией лежавшего в истоках антропогенеза первичного непосредственно-монотеистического религиозного отношения к Божественному ТЫ и Миру.

Все великие дохристианские цивилизации покоились на вере в причастность правителей к Божественной сфере (или в непосредственно Божественное их происхождение). О том, что эта вера постепенно ослабевала уже издавна и в обществе шло расслоение сознания, свидетельствуют, в частности, знаменитые ограбления захоронений фараонов, начавшиеся еще в древности.

На Востоке вера в харизматичность власти начала разрушаться лишь в последнее столетие, и не по внутренним причинам, а в связи с экспансией западных форм жизни.

В христианской России царь, будучи помазан на царство патриархом, воспринимал свою миссию как идущую непосредственно от Бога, перед которым он несет ответственность за судьбу вверенного ему народа. Но постепенно привязанность к собственно социальной сфере — текущим политическим, экономическим и иным заботам — превращалась и здесь в самодовлеющую цель. Петром Первым и сама православная историческая церковь была превращена в придаток государства. Между тем значительная часть населения продолжала верить в харизматичность царской власти, хотя, в силу свойств русской души, о которых будет кратко сказано ниже, эта вера не была глубока. Это, скорее, была неистребимая потребность и неоправдавшаяся надежда, разочарование в которой подготовило почву для атеизма — веры с обратным знаком, — чем и воспользовалась большевистская идеология, определив на роль харизматических лидеров большевистских вождей, утверждая их харизматичность всеми средствами: от пропаганды до массовых репрессий, применяемым к неверующим.

И только после второй мировой войны эта вера в харизму вождей у значительной части населения страны стала ослабевать, что однако, вовсе не обязательно было связано с отмиранием внутренней потребности души в харизматическом лидере как таковом. Мне даже кажется, что эта потребность в России будет обостряться.

Что же касается Запада, то времена «хождения в Каноссу», когда признание народом власти монарха было связано с соответствующей санкцией папы римского, также отошли в прошлое. Здесь обмирщение жизни пошло наиболее глубоко и последовательно и было связано с изменением сознания: господством в нем отношения субъект-субъект, его «овеществлением». В результате стали возникать и такие — как правило, предельно секуляризованные — социальные системы, где связь общественного устройства с духовной вертикалью (и харизматическим лидерством) с самого начала, в сущности, устранялась. Она, эта связь, начинала выноситься во внесоциальную сферу и называться тогда «свободой совести». Это — *псевдоорганические* системы, где «вертикаль» не связана с АБ, а построена из элементов «горизонтالي» (ПБ). Такая система не может расти в духовной области, она отчуждена от АБ и лишь экспансивно «распластывается» по «горизонтали». Это и есть система *западной демократии*, где «псевдовертикаль» «конструируется» с помощью механизма всеобщей избирательной системы из «горизонтали» — из «людей массы» (употребляю этот термин в смысле, приданном ему Х. Ортега-и-Гассетом — смысле, на мой взгляд, очень емком и глубоком). Эта «псевдовертикаль» может в какой-то степени обеспечить формально-юридическое равенство, но не духовную иерархию. Высшей ценностью, обеспечивающей власть, становятся деньги — концентрированная форма вещиности. Они-то и определяют положение индивидов на «псевдовертикали». Демократия приводит к господству бездуховной посредственности во всех сферах жизни, к снижению уровня духовного творчества, культуры, отмиранию целого глубокого пласта душевно-духовной жизни личности, так как «распластывание» по горизонтали — это всегда господство вещиности над личностью.

В любой социальной системе индивид является функционирующей частью этой системы. Однако личность не может быть частью чего бы то ни было, но лишь самостоятельным целым. Поэтому, утвердив личность как высшую ценность, христианство положило начало развитию антагонизма: личность-социальность. В системе западной демократии этот антагонизм достигает максимума и ведет к упомянутому общему кризису социальности, как к одному из проявлений кризиса неолита. В этих условиях личностное развитие выпадает на долю лишь небольшого числа людей, будучи связано с более или менее случайными обстоятельствами их индивидуальной судьбы. Кроме того, система демократии создает условия, способствующие

Западная демократия — псевдоорганическая система

щие развитию явления, которое Ортега-и-Гассет назвал «восстание масс» — прямое отрицание всякой элитарности, а следовательно, духовной иерархичности и органического развития. (Кстати, некоторые из указанных пороков демократии были отмечены уже античными авторами.)

Возможен и второй тип псевдоорганической социальной системы, в некотором отношении противоположный демократии. Это система, где не вещное богатство есть источник власти, но, наоборот, опирающаяся на прямое насилие власть обеспечивает вещное богатство в форме различного рода привилегий и возможностей, соответствующих положению данного лица в аппарате власти. Таковы некоторые восточные деспотии и система, созданная большевиками «по заветам В.И. Ленина» в нашей стране.

Глубокая, духовно богатая христианская культура Запада деградировала по мере секуляризации жизни, и некоторые ее представители в поисках выхода совершали духовное паломничество на Восток. Оно особенно усилилось в 30-е годы нашего века, захватив многих гуманитариев (в качестве примера можно было бы назвать Р.Роллана, Г.Селинджера, Г.Гессе и многих других).

В наше время в тот же путь двинулись представители точного естествознания (и прежде всего физики), пытаясь провести параллели между своими теоретическими построениями и учениями буддизма, даосизма, дзена и т.п. Характерно, что при этом гораздо меньший интерес они проявляют к основанию собственной западной культуры — христианству. И я думаю, что происходит это, во-первых, потому, что господствующей форме современного западного мышления, особенно научного, гораздо ближе формализм и непротиворечивость восточных учений (включая сюда даже дзен — отрицание этих учений, но отрицание восточное, остающееся внеличным), чем глубоко парадоксальное, связанное со сверхрациональностью христианское утверждение личности как высшей ценности. Поэтому же, например, такой ряд понятий современной западной культуры, как справедливость, правосознание, законность, социальность, мораль и т.п., легко согласуется с восточным представлением о карме, но не может вместить такой ряд, как любовь, покаяние, прощение, милость, благодать, соборность (последнее — типично православное), нравственность. А во-вторых, потому, что христианство было скомпрометировано практически деяниями исторической церкви и идеологически эпохой европейского Просвещения.

Для выхода из глобального кризиса должна быть установлена обратная иерархия: первичность второго из указанных

Десакрализация и распад христианской культуры на Западе

рядов понятий и вторичность первого, играющего обслуживающую роль. Для такого переворота сознания надо выйти за пределы новоевропейского рационализма. Поэтому-то в условиях господства этого рационализма первичность второго ряда, часто допускаемая и даже утверждаемая на словах, терпит поражение в реальной практике социальной жизни и мышления.

Пожалуй, можно было бы, используя христианское представление о «составе человека», провести грубую и отдаленную, но тем не менее несущую какой-то содержательный смысл, параллель:

Восток — Россия — Запад

Дух — душа — тело.

Только нужно учесть, что Восток в данном случае представляет не христианский личностный Дух, который «веет, где хочет», а абстрактно-безличностный, неподвижно-равнодушный, безразличный к судьбе личности абсолют. Современный Запад — не тело, которое является храмом Духа, а отчужденная от духовного измерения Мира, кипящая в вещной, разрушающей себя и Мир деятельности самодовлеющая телесность. Россия же — не душа, их объединяющая плеромически («плерома» — божественная полнота, гармонически включающая противоположные полюса), но пока что только неопределившаяся середина (по выражению Н.Бердяева — «смесь»), а вероятнее всего — нечто новое, качественно отличное и от «плеромы» и от «смеси». Мне кажется, что только в еще почти непроявленной (или только интуитивно чувствуемой и проявляющейся частично и спорадически) глубине эта душа несет в себе возможность универсальной плеромичности. И продолжает нести, несмотря на все внешние попытки ее уничтожить.

Недоволощенность России в личном бытии — один из признаков ее предназначенности к постсоциальному будущему

И недаром это чувство особой предназначенности русской души как неустранимая боль мучило русскую мысль, литературу, философию последние полтора столетия, достигнув небывалой остроты и глубины к концу прошлого века и в начале нынешнего, когда уцелевшие в эмиграции, преследуемые и уничтожаемые в России представители ее культуры продолжали все ту же неотвязную духовную работу.

Представители западной культуры, попадая в Россию, воспринимали эту страну по-разному, выносили из знакомства с ней зачастую прямо противоположные впечатления. Но те из них, у которых еще не атрофировалось интуитивно-личностное «измерение» души, побывав в России, ощущали, чего они лишены у себя на Западе. Свидетель-

ства, оставленные ими, многочисленны, и есть в них общая черта: прикосновение к рационально невыразимой, ни с чем не сравнимой и неодолимо притягивающей Тайне. Позволю себе привести здесь только два примера.

Р.М. Рильке: «Россия... мне открыла ни с чем не сравнимый мир, мир несслыханных измерений; благодаря свойству русских людей я почувствовал себя допущенным в человеческое братство... Россия стала, в известном смысле, основой моего жизненного восприятия и опыта» [5].

И еще — из письма американского студента Эндрю Кауфмана: «Мне чудится в России какая-то своеобразная чудесная «отрава», которая овладевает мной, как завораживающая пара изумительных женских глаз. Она иногда страшна, иногда красива, иногда сладка, иногда горька, но всегда мощна и пронзает мои мысли почти в каждый момент моего существования и на каждом шагу. Эта отравка имеет нарек божественности, какой-то прекрасной, мистической силы. Словами и умственным анализом она не объясняется».

Возвращаясь к общей ситуации современности, можно сказать, что перед нами специализировавшийся в своей застойности Восток, подрываемый экспансией Запада, и Запад, специализировавшийся в ускоренной неорганической вешней деятельности, съедающей весь Мир и себя. На Востоке личность не развилась, в христианской культуре Запада она, не успев пройти далеко по пути своего развития, вырождается под влиянием господствующего технологически-вещного отношения к Миру.

И странная, не поддающаяся рациональному анализу, аморфная и одновременно амбивалентная Россия, то пугающая мир тупой жестокостью, то удивляющая его необыкновенными взлетами культурного творчества, по своему содержанию выходящего далеко за национальные пределы, приобретающего глобальный масштаб и смысл.

Если считать, что исторический путь России тот же, что и Западной Европы, то следует иметь в виду, что в большинстве западных стран крепостное право, например, было отменено на несколько столетий раньше, также несколько столетий насчитывают гражданское общество, рыночные отношения как основа всей жизни и соответствующее производство. И тогда следует считать Россию страной, отставшей от Западной Европы на несколько столетий.

А если исторический путь России и ее метаисторическое «предназначение» качественно иные? Я беру слово «предназначение» в кавычки, во-первых, потому, что здесь нет жесткой детерминированности, а есть нечто вроде «проек-

---

та» предстоящего будущего, конкретное воплощение которого определяется взаимодействием с воплощенным историческим прошлым, его конечно определенными тенденциями и формами. В кризисных состояниях эти формы теряют жесткость, и преимущество получает влияние метаистории, то есть готовый к воплощению «образ-проект» будущего. Во-вторых, этот «образ-проект» не задан как жестко детерминированная структура, а, скорее, как диффузное образование, имеющее некоторый вектор, тенденцию движения в будущее.

В России не прививались ни восточный, ни западный образы жизни

Интересно отметить, что Россия не отгораживалась от Запада, как Восток. Заимствованные на Западе преобразования вводились непосредственно русским правительством и, однако, в большинстве случаев давали не тот результат, на который были рассчитаны, иногда просто «глохли» и «рассасывались». А часто этот результат был просто отрицательным, разлагающим этические и культурные устои народной жизни (например, реформы Петра I). (Это несколько похоже на попытки «научного преобразования» природы в наше время, то есть неорганического вмешательства в органические процессы.)

В целом нельзя не признать «полезность» для России «прививок» Запада, способствовавших сохранению ее социальной неустойчивости и широты самосознания культурных слоев русского общества. Было паломничество на Запад русской мысли, и оно играло громадную положительную роль, в частности, и потому, что при этом не было устойчивого перенесения в Россию западных форм мысли будучи перенесенными, они очень быстро разлагались, меняли свой смысл, становясь лишь моментами в составе совершенно другого целого.

После отмены крепостного права Россия как будто бы начала осваивать западные формы социальной жизни. А быстрые темпы развития промышленности с конца прошлого века, либеральное судопроизводство, трудовое законодательство, столыпинская реформа, казалось бы, подготовили Россию к более решительному озападниванию. Но характерно, что многие русские мыслители отмечали именно в это же время падение нравов, рост воровства и т.д. Л.Толстой обращал внимание на то, что в 80-е годы XIX века трудно было найти палача даже за большие деньги, а в начале XX появилась масса желавших исполнять эту должность. Всякий так называемый «прогресс», приво-дивший на Западе к росту свободы, в России, как отмечал Н.Бердяев, означал увеличение несвободы (я думаю, что здесь Бердяев оговорился, назвав прогрессивными для

России западные формы жизни). И происходило это потому, что новообразования социальной жизни, выраставшие на западной почве как естественные, будучи перенесенными на почву России, оказывались нововведениями, чуждыми архетипу русской души, строю русской жизни, сознанию русского человека и метаисторической предназначенности России, и потому должны были вводиться путем насилия.

Таким образом, попытки определенных социальных преобразований наталкивались на внутреннее, большей частью рационально не объяснимое сопротивление души, находящейся как бы в ожидании чего-то, ей самой не известного и неопределенного.

Парадоксальность русской души.
Ее потребность в трансцендентном

Об этой загадочной русской душе и особой в связи с этим исторической роли России существует громадная литература. Сама для себя эта душа оставалась загадкой. В ней находили противоположные, максимально располосованные свойства, остававшиеся в этой располосованности почти неизменными на протяжении веков: рабское сознание и любовь к свободе, жестокость и милосердие, подлость и честность, эгоизм и готовность к самопожертвованию, тупость и глубокую метафизическую настроенность ума, святость и демонизм и т.д. И, пожалуй, именно этот *максимализм* русской души, ее *располосованность* и являются самой сутью дела и свидетельством потаенных, большей частью нераскрытых глубин — той самой безмерности, которая не может быть до конца выражена рационально и даже вербально (остается «несказанной»). Она же является и «бедой», так как почти исключает положительную конечную определенность — например, способность к устойчивой социальной обустроенности.

Эта душа не может внутренне принять какие-либо конечные нормы закона и морали, даже справедливость. Нелюбовь к «законничеству» была характерной чертой и у большинства представителей русской культурной элиты, в том числе получавшей образование в западных университетах. Можно привести полушутливые строчки Б.Н. Алмазова:

Широки натуры русские:
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал.

И происходило это потому, что в иерархии христианских ценностей любовь, нравственность, совесть занимают более высокое (по существу — высшее, бесконечное) положение по сравнению с правом и моралью. Максимализм

же требует осуществления высшего, а если это осуществление невозможно, нельзя ожидать, что он может принять «среднее». Его принцип — «все или ничего», точнее — «беспредел» положительный или отрицательный («либо святость, либо свинство»). Русский хочет святости, в том числе и в форме приобщения к харизматическому лидеру. Но, если святости не получается, остается свинство). И потому русская история так хаотична, неразумна, неспособна ценить собственные достижения и склонна к саморазрушению («ломать — не делать — сердце не болит»).

С этим же связаны катастрофическое, апокалипсическое восприятие Мира и эсхатологическая настроенность русской литературы и философии, убеждение в невозможности достижения гармонии и личной свободы в пределах лично существующего павшего Мира. Да и сами понятия личности, свободы и их истоков в русской культуре резко отличаются от типично западных уже хотя бы тем, что полагаются за пределами любой социальности, цивилизации и культуры, в области плеромической.

Поэтому же и проблемы, вырастающие в России, на русской почве, приобретали всегда у русских мыслителей универсальный вселенский размах и даже связывались порою с надеждами на мессианскую роль России в будущем преображении Человека и Мира. В наличном же русском бытии констатировались обычно аморфность и пассивность середины и «беспредел» крайностей.

Застойность русской жизни, которую столь беспощадно критиковал в «Философических письмах» П. Чаадаев — это не стагнация исторического Востока. История Востока — это определенность и неизменность социальных и культурных структур, которая специально поддерживалась, в том числе специфическими реформами, направленными, как правило, на восстановление утративших с течением времени силу старых порядков, поскольку предполагалось, что Мир создан совершенным и законченным. Любое изменение несет в себе опасность нарушения совершенной гармонии Целого. Восток, таким образом, — сфера, специализированная на неизменности определенных структур, ориентированная на прошлое. Например, в традиционном Китае, как свидетельствуют об этом современные историки, «независимо от субъективных намерений реформатора любая реформа, неизбежно облекавшаяся в традиционную оболочку, как правило, была направлена на сохранение статус-кво в изменившихся условиях». Для любого государственного чиновника «цель была одна — мобилизовать все возможно-

Эсхатологические настроения
в русской литературе и философии.
Вселенский размах этой
литературы и философии

сти для того, чтобы сохранить традиционные нормы и формы жизни в неизменности» [6]. Был и своеобразный запрет на творчество. В списке преступлений, наказуемых смертью, значились, например, такие, как «создание и использование безнравственной музыки, странной одежды, удивительных приспособлений и необычайных орудий... страсть спорить при помощи лицемерных речей; изучение ошибочного...» [7].

Малая затронутость русской души конечно-определенными социальными преобразованиями

«Застой» русский — это внутренняя аморфность, неопределенность, амбивалентность духовно-душевной жизни, мало зависящая от внешних социально-государственных форм, неукорененность этой жизни в социальности, социальная пассивность, принимавшая всякого рода социальные реформы почти как стихийные бедствия. Хотя, безусловно, крепостничество, деспотизм не могли не калечить массу душ, превращая людей всех сословий в рабелепных холоуев. Но и это превращение для большинства носило какой-то не сущностный, неустойчивый характер, прикрывая собою то ли внутреннюю неизмеримую и неосознанную глубину, то ли какое-то сонное не проявленное состояние. Внутренняя душевная жизнь оказывалась мало затронутой социальными переменами, а когда затрагивалась всерьез, то отвечала вспышками бунтов, большей частью неосмысленных, стихийных. Создается впечатление, что русская душа в наличном бытии недостаточно воплотилась. Значительная ее часть остается в области метаистории. Она-то и остается тайной, и воспринимается как тайна, и создает универсальную возможность воплотить любую определенность, но лишь как временную, преходящую, так как лежащий в глубине, связанный с недовоплощенностью максимализм «архетипа» «размывает» любую конечную определенность.

Французы говорят: «Поскребите русского и вы найдете татарина». Леруа-Болье высказывает обратное положение: «Снимите налет татарского ига и вы найдете в русском европейца» [8]. Более того, Достоевский говорит от имени Версилова в романе «Подросток», что когда русский увлекается положительными принципами, выработанными Западной Европой, он становится «более европейцем, чем сами европейцы, французы, англичане, немцы, потому что он свободен от их национальной ограниченности» [9].

Остается выяснить, что надо делать с русским, чтобы он стал, наконец, самим собой.

---

5. Возможная роль России в будущем

Если человечеству удастся пережить предстоящее состояние безмерности, то следующая «постнеолитическая» фаза будет, видимо, представлять собой снова фазу не развития цивилизации — «неорганического тела Человека», но органического развития самого Человека. Но теперь на первый план должно выйти уже не развитие рационального мышления и не морфологическое его совершенствование, а душевно-духовное. Эта фаза будет связана, по-видимому, с развитием личности, внутренне бесконечно свободной и нравственно бесконечно ответственной.

Такое преобразование должно начаться опять с изменения сознания. И можно предположить направление этого изменения, если учесть, что понять качественно новое будущее органической системы невозможно, опираясь лишь на ступень, достигнутую к моменту настоящего. Необходимо вернуться в прошлое и переосмыслить основания возникновения системы. В данном случае нужно выйти в прошлое за пределы неолита, чтобы от отношения субъект-объект вернуться к лежащему в основе антропогенеза первичному религиозному отношению Я-ТЫ, но включив в него весь тридцатитысячелетний или более опыт.

Христианство как религия личности делает в этом смысле первый шаг. Освобожденное от догматизма и односторонности, связанной с историческими условиями своего возникновения (что также было предметом полемики в русской философии), оно для вступающего в состояние безмерности человечества может послужить ориентиром, предохраняющим от полного растворения в хаосе. Основной его принцип — принцип любви — может стать всеобщей основой собственно личностных человеческих отношений (о чем говорил еще далеко не оцененный и не понятый Л.Фейербах). Но такое христианство, по мнению А.Меня, «еще не началось», а современное состояние исторической христианской церкви не заслуживает серьезного разговора.

Если, учитывая характер предстоящих человечеству изменений, взглянуть с этой позиции на Россию, то большинство обычно отрицательно оцениваемых свойств русского человека, его души оборачиваются качествами, как бы приготовленными для вступления в будущее. О некоторых из них говорилось выше. Они служили предметом особо, если не сказать — болезненно пристального внимания русской литературы и философии.

Качества души русского приготавливаются для его проявления в историческом будущем

Слабая способность к собственному социальному обустройству (все ищем, кто бы «навел порядок на Руси»), отсутствие правосознания (желание решать по «совести», а не по закону), разболтанность, максимализм и неспособность принять «золотую середину» (либо святость, либо свинство) и т. д. обратной своей стороной имеют неукоренность в наличном бытии, потребность в харизматическом лидерстве (вместо бездушного механизма демократии), глубокую неудовлетворенную, часто бессознательную религиозность, готовность к полной самоотдаче, внутреннее неприятие конечных форм и догм, даже религиозных (богоискательство), «метафизический голод», то есть потребность размышления над «последними вопросами». Известно, что эта потребность выражалась не только у представителей «образованных классов». Существовали определенные места, например, некоторые трактиры, куда приходили потолковать и поспорить о подобных вопросах люди из самых разных слоев общества. И разговор шел «на равных», невзирая на профессии, чины и звания. Уважались лишь глубина мысли и способность ее выразить.

И семьдесят лет выкорчевывания этой потребности не смогли до конца ее уничтожить. Эти темы зачастую возникают у нас в дружеском общении, случайном разговоре, на вечеринках и застольях. Ничего подобного на современном Западе нет. Отмечая это, упоминавшийся выше Э. Кауфман пишет в своем письме: «То, что для нас философия (на современном Западе, особенно в США — узкопрофессиональная область занятий. — А.А.), для вас жизнь».

В русском характере усматривали также уступчивость и недостаток волевого начала, «женский тип» русской души, противопоставляя ему «мужской тип» души западноевропейской. С недостатком волевого начала связывали неспособность довести до конца начатое дело, лень. Поразительная широта и глубина замыслов русского человека сочеталась со слабым стремлением к их воплощению, реализации. Классическим примером, предметом анализа и споров служили гончаровские образы Обломова и Штольца. (В.Зеньковский отмечает, что часто в устном разговоре русские ученые высказывали поразительно глубокие идеи, разработка которых, однако, отсутствовала в их опубликованных работах. Это можно интерпретировать как большую заинтересованность в живом процессе творчества и малую — в его объективированных, «омертвленных» результатах, что

также можно связать с максимализмом и недооволощенностью.)

Однако эта уступчивость и недостаток воли сказывались в основном во внешнем предметно-вещном плане, плане реализации, воплощения конечно-определенных форм. Во внутреннем духовном плане обнаруживалась колоссальная воля и способность идти до конца, что проявлялось в судьбе многих духовных течений. В качестве примера можно вспомнить самосожжения старообрядцев.

Касаясь этой же особенности русской души, Н.О. Лосский в работе «Характер русского народа» приводит размышление В.Шубарта:

«Шубарт противопоставляет друг другу главным образом два типа человека: прометеевский, героический человек и иоанновский, мессианский человек, т.е. человек, следующий идеалу, данному в Евангелии от Иоанна. Представителями иоанновского типа он считает славян, особенно русских. Прометеевский, «героический человек видит в мире хаос, который он должен оформить своей организующей силой; он полон жажды власти; он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей...» [10]. Иоанновский «мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле высший Божественный порядок, чей образ он в себе роковым образом носит». «Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но наступление примирения и любви». «Борьба за вселенность станет основной чертой иоаннического человека». В иоанновскую эпоху центр тяжести перейдет в руки тех, *кто стремится «к сверхземному в качестве постоянной черты национального характера* (выделено мной. — А.А.), а таковыми являются славяне, в особенности русские. Огромное событие, которое сейчас готовится, — есть восхождение славянства, как ведущей культурной (а не вещно-социальной. — А.А.) силы» [11].

Состояние «полувоплощения» рационального сознания (похожее на то, которое в психологии называется «просоночным») прекрасно выражают персонажи А.Платонова. Это сознание не способно к самостоятельной рационально-критической работе по трезвому осмыслению наличной реальности и скорее готово верить не столько рациональному содержанию предлагаемых идей, сколько лицу, от которого они исходят.

Сознание некоторых народов «третьего мира» внешне — по сравнению с сознанием европейца — тоже зачастую напоминает «просоночное», но оно вполне определившееся в отношении к реальности в рамках своей культуры и в этом

смысле вполне «проснувшееся», иногда довольно жесткое в своей ограниченности, мало способное к изменениям, закрытое. В нем практически нет почвы для возникновения «метафизического голода» или богоискательства, нет необходимости открытия в бесконечность.

У героев же А.Платонова сознание, скорее, «плавающее», «диффузное», готовое меняться, принимая различные формы. Эти герои часто действуют как в полусне, в призрачном мире, слабо связанном с неотчетливо проступающей, схематически упрощенной реальностью. Не задевая глубоких слоев психики, это сознание неустойчиво и легко поддается «массовому гипнозу» самых примитивных идей и посулов. Недаром так сокрушительно был поражен, например, В.В. Розанов, наблюдая необыкновенно быстрый переход значительной части населения от христианской веры в Царя и Отечество к атеизму и вере в примитивные обещания и идеи большевиков. Впрочем, и это новое массовое сознание удерживалось благодаря вере в харизматичность большевистских лидеров (атеизм проявлялся как «вера с обратным знаком») у одних и индифферентному отношению к реалиям социальной жизни у других.

Таким же в значительной степени осталось это сознание и сейчас. Достаточно послушать выступления на наших митингах, собраниях и заседаниях и посмотреть на лица людей, чтобы вспомнить платоновских персонажей.

Что касается веры в харизматичность лидеров, то она естественно связана с иерархичностью органической системы и не является специфически русской чертой, а с древности и до наших дней в разной степени проявляется у народов всего мира. Опасность этой веры состоит в том, что сознание, наделяя харизмой, то есть связью с бесконечным провиденциальным началом лидеров, в действительности этой связью не обладающих, ведет массы — именно массы, массовое сознание, «человека массы» — ложным путем «подмен». С ним, с этим сознанием, в той или другой степени связано существование тоталитарных режимов, в наше время в наибольшей степени проявившихся в большевизме и фашизме. Сталин для массы советского населения был харизматическим лидером и это было колоссальной «подменой», ложью, и не Сталин, а безусловность веры в его харизматичность объединяла народ и помогла выиграть войну с фашизмом. Между прочим, затасканное и профанированное большевиками и заплеванное «демократами» обращение и понятие «товарищ» обладает глубоким непреходящим смыслом (также, впрочем, как и слово и понятие «коммунизм»).

Вера в Сталина как в харизматического лидера

Опасность «подмен» связана также с расплывшимися в последнее время доморощенными «гуру» и «учителями», предлагающими обывателю различные пути и способы «саморазвития» и «духовного совершенствования».

Единственной панацеей от «подмен» является развитие личности, нравственно и разумно противостоящей «человеку массы».

Мне кажется, повторяю, что *Россия, русский народ, гораздо большей частью своей жизни находятя в области метаистории, чем в ее эмпирически воплощенной части.* Русская душа еще не воплотилась как христианская (как, впрочем, и само христианство), как личность, и ее «ядро» существует, скорее, как глубокая подсознательная потребность, проявляющаяся на сознательном уровне часто в самых «непотребных» формах. Сам «беспредел» этого «непотребства» — свидетельство безмерности потребности.

Эта «недовоплощенность» русского человека, с моей точки зрения, позволяет объяснить многие явления русской истории, культуры и философии.

Например, неудачи специализировать его по восточному или западному образцу, то есть принять конечно-определенную форму в мире воплощения.

Можно по-новому понять антиномичность русского характера и амбивалентность отношения к России представитель русской культуры, от А.С. Пушкина, выражавшего сожаление по поводу своего рождения в России и одновременно не представлявшего и не хотевшего себе иной судьбы, до Н.Г. Чернышевского, с горечью восклицавшего: «Нация рабов!» — и всю жизнь посвятившего судьбе этой нации. Таким образом, эта амбивалентность была иерархична: принятие России безусловно, ее отрицание относительно.

Двойственно влияние на Россию Запада. С одной стороны, это влияние разрушало собственную культуру «Святой Руси», с другой — «прививки» Запада не давали России оуклиться в традиционное общество восточного типа. (Не забудем, что Россия приняла восточный вариант христианства от Византии — страны традиционной культуры.)

Всемирность элитарной русской культуры XIX в., мне кажется, также связана с двойственностью ее основ. Несомненно, западная культура разбудила Россию от «сонной одури», явилась источником образования и культуры дворянской элиты, стала образцом для подражания, формирования «светского общества», внутренне независимого от социальных структур власти и от церковных догм. (Это — не

только западничество, но и славянофильство 30—40-х годов прошлого века.)

И сразу же — необыкновенный взлет самостоятельной, включающей эпигонство мысли, характерной чертой которой было видение любой проблемы в ее общечеловеческих бесконечных параметрах. Воздействие западноевропейской культуры можно сравнить, пожалуй, с выпуском джинна из бутылки или с так называемым «спусковым эффектом», когда незначительное внешнее воздействие ведет к освобождению громадной внутренней энергии нового качества.

Поэтому вторым и *главным* источником русской культуры — помимо культуры западноевропейской — я считаю именно эту недоовещанность, скрытый, не связанный конечными, воплощенными в ПБ, формами духовно-душевный резерв. Она, эта русская культура, так и осталась в этой недоовещанной открытости — как вопрос, обращенный к Миру.

По-видимому, именно эта ощущаемая и осознаваемая в себе открытость и недоовещанность, обращенность к будущему и непохожесть ни на Запад, ни на Восток, позволяла русской духовной элите, а за ней вообще образованному обществу, интуитивно чувствовать такую же внутреннюю непроявленную духовность в большей части русского народа, одновременно ужасаясь наличному его состоянию — распространению воровства, пьянства, хамства, холопства и т.п. Несмотря на закрытость и традиционность русской земельной общины с господством антиличностного принципа «будь как все, не высывайся» (использованного большевиками при раскулачивании), многие (в том числе такой западник как А.И. Герцен) видели в ней прообраз и зачаток будущего. И это, несмотря на отвержение и предательство общинниками готовых к самопожертвованию ради них народников. В сатирическом стихотворении А.К. Толстого «Сон Попова», написанном более ста лет назад, министр-либерал произносит достаточно глупую и косноязычную речь, в которой, между прочим, говорит:

Искать себе не будем идеала,
Ни основных общественных начал
В Америке. Америка отстала,
Там собственность царит и капитал.
Британия строй жизни заняла
Законностью. А я уж доказал:
Законность есть народное стеснение,
Гнуснейшее меж всеми преступленьем.

Отношение русских мыслителей к своему народу и неприятие ими западного образа жизни и мышления

Подростковый конформизм

Нет, господа! России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам; и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим
Открыть родник взаимного труда.
Надеюсь, вам понятно, господа?

Стихотворение, конечно, ироничное. Но все не так просто. За иронией проглядывают глубокие проблемы, волновавшие русских мыслителей, писателей и философов. И ирония А.К. Толстого в данном случае относится в основном не к содержанию этих утверждений, а к косноязычию и напыщенности министра, произносящего столь известные, являющиеся предметом споров образованных людей того времени, мысли.

Картину взаимоотношений с Западом, характерную для русской культуры в целом, можно наблюдать и в истории русской философской мысли, которая пыталась осмыслить сама себя под различными углами зрения [12]. Оригинальная русская философия — позднее по сравнению с западной философией приобретение (вторая половина или даже последняя треть XIX века). До тех пор глубокие (философские по существу) размышления русских мыслителей были более или менее спорадическими, не выделяясь из контекста религиозного, литературного, мемуарного, эпистолярного и других жанров в самостоятельный жанр философского произведения. В первой половине XIX века в возникавших философских спорах использовали философские аргументы, заимствованные, как правило, из немецкой философии, большей частью у Ф.Шеллинга и Г.Гегеля.

Но едва только появляется русская философия в собственном смысле слова и начинает приближаться к формам построения философского знания, принятым в западноевропейской философии, она тут же эти формы размывает, вырывается из их оков. Русская философия как бы только прикасается к западным формам философствования. Совершенно иное содержание, иная интенция «взрывает» эти формы. Что же это за содержание и какова эта интенция? Содержанием, как правило, является непосредственное отношение Человек-Мир, смысл жизни, «последние вопросы». И здесь русская философия чувствует свою глубокую связь с христианством как религией личности и свободы, как со своей собственной основой. Отсюда критика русскими мыслителями исторического христианст-

ва — от патриотической литературы до современной, а также социальной роли Православной русской Церкви. А логические, категориальные, гносеологические и прочие «изыски» западной философии, в большинстве случаев остающиеся в границах отношения субъект-объект, «снимаются», переходя на роль средств, инструментов исследования.

Обращенность русской философии к будущему

Что же касается интенции, то (это особенно важно!) русская философия обращена к будущему, открыта этому будущему, им мучается, его с нетерпением ждет, связывая его с судьбой России в Мире.

И здесь — та же открытость, незаконченность, недовоплощенность, слабая тенденция к построению разного рода логик и рациональных систем (в чем часто видели отсталость русской философии, а я вижу неоспоримое преимущество, связанное с «диффузностью мышления», и прыгив вперед, шаг в будущее).

Все кризисы нашего времени, о которых говорилось в этой статье, рассматривались в русской философии уже в конце прошлого, начале нынешнего века, включая, например, проблему перенаселения Земли, в связи с чем обсуждались на глубоком метафизическом уровне взаимоотношения полов и формы любви: эротической, каритативной, агапической.

Центром внимания оставался кризис душевно-духовный, связанный с историческим христианством и кризисом исторической церкви.

Главным образом, с этой стороны («оскудения души») подвергался критике и новоевропейский образ жизни. При чем в отличие от самокритики Запада, русская философия рассматривала его духовный мир прежде всего с позиции *будущего* духовного преображения человечества, с сожалением и болью констатируя в душевном строе европейца отмирание тех корней, которые могли бы служить истоком этого преображения.

Предчувствие будущего кризиса как всеобщечеловеческого, осознание, что выходом из него может быть только радикальное душевно-духовное преображение, понимание невообразимой сложности и катастрофичности этого предстоящего изменения — все это придало эсхатологически-пророческую направленность размышлениям русских философов. В XIX веке на фоне более менее благополучного и в целом благополучно рефлексирующего Запада это предчувствие выглядело странно и могло связываться с неразработанностью, примитивностью русской философии. Показателем той же примитивности считали ее ин-

---

туитивность, эмоциональную напряженность, субъективную страстность при сравнительно малом месте, уделяемом строго рациональным логическим построениям. На самом же деле она — *сверхрациональная* философия, далеко шагнувшая в будущее, оставившая позади рациональные конструкции прошлого. И в то время как Г.Гегель, например, сам признавал, что его философия закончена и есть тем самым философия прошлого, Н.Бердяев настаивал, что философия в наше время должна иметь именно пророческий (пророческий) характер, быть обращенной в будущее.

Русская философия — философия свободы. Ее универсальность, незамкнутость в систему

Интересно сравнить впечатления от чтения Гегеля и Бердяева. Читая Гегеля, поражаешься глубине мысли, грандиозности системы, строгому единообразию ее строения во всех ее частях, поразительной эвристической способности и т.д. Но вместе с тем чувствуешь себя ее пленником, связанным, закованным в строй ее категорий. При чтении Бердяева возникает чувство необыкновенной свободы, выхода на простор, взлета. Нет ничего ни в тебе, ни в Мире окончательно завершенного, все возможно. И начинаешь ощущать, что весь Гегель присутствует в Бердяеве, но не в явной форме движения категорий и понятий, а в «снятом виде» — как одна из внутренних пульсаций мысли Бердяева, посвященной не описанию связи категорий, а движению самой жизни. Также присутствуют в нем и рационалист Р.Декарт, и мистик Я.Бёме, и материалист К.Маркс, и многие другие. Ибо не саму философию как таковую исследует Бердяев, а жизнь в ее живом творческом движении к будущему исследуется им с помощью философии.

К сожалению, в данной статье невозможно привести обширный, необыкновенно многообразный, захватывающе глубокий материал русской мысли, относящийся к рассматриваемой теме. Тема эта была центральной для русской литературы и философии. Погружение в мир русской философии вызывает ощущение соприкосновения с мудростью, трансцендентной всем рационально-логическим построениям. И я думаю, что все это также связано с нашей «недовоплощенностью» в наличном бытии, неукорененностью в нем в конечно-определенных формах.

Наконец, мне кажется, что именно эта, характерная для русского народа «недовоплощенность», нефиксированность в конечных формах сознания, культуры и жизни, создает готовность принять новую форму и позволяет говорить о возможном его будущем. Неудачи попыток специализировать его по восточному или западному образцу, с одной

стороны, анализ его душевно-духовной жизни, столь глубоко и разносторонне представленный в русской литературе и философии, с другой, приводят к выводу о его метаисторической «предназначенности» именно к будущему, к предстоящему состоянию безмерности и преображению. В этом, видимо, и может состоять его всемирно-историческая роль.

Осознание своей предназначенности для будущего в русском умозрении и мирочувствовании

Представления об этой «предназначенности» жили в России, начиная от идеи Москвы как третьего Рима, и принимали различные, в том числе и мессианские формы мирового водительства от имперско-завоевательных до жертвенно-покаянных.

Общая тенденция предстоящего духовного преображения человека, новые энергии и формы метаисторической «волны» в разных народах Мира и даже в разных индивидах, в зависимости от личностной готовности, должны вызвать в мире различные изменения. И мне кажется, что на этом трудном катастрофическом пути человечеству предстоит пережить еще одно «расщепление»: на часть (вероятно, меньшую), которая сможет самоизмениться настолько, чтобы принять грядущую эпоху, и часть, которая будет ускоренно деградировать. Состояние безмерности — разрушение всех привычных форм жизни и опасность срыва в хаос — может сыграть роль «чистилища». И удержать от этого срыва может восстановление первичной непосредственной религиозной связи Человека с Миром. А она осуществляется не через общественные структуры, а через сокровенную глубину личностного «я», лежащую далеко за всеми «архетипами».

Я также думаю, что начаться это «расщепление» должно в России. И более того, оно уже началось. Первым ее этапом было возникновение в России в XIX веке культурной элиты и, в частности философии, где осознание предстоящей эпохи уже возникло и потому могло бы стать духовной точкой роста, тянущей за собой всех, кто способен и хочет меняться. Это было харизматическим лидерством, связанным не с социально-политической сферой, а с духовным преображением. Можно сожалеть, что это движение было остановлено. Но созданное духовное богатство оставило след как в исторической, так в метаисторической области. Поэтому сейчас можно начинать не на пустом месте, не с нуля.

Значительная часть этого богатства представлена русской философией. Говоря о ее обращенности к будущему, пророчности, следует отметить, что различные концепции и проекты будущего философия строила, начиная от Пла-

---

тона и кончая Марксом. Однако эти проекты всегда касались будущего *общественного* устройства, форм *социальности*. В русской же философии мы впервые встречаемся со светской философией, для которой будущее — это *духовноличностное* преобразование самого Человека, *вырвавшегося из плена отчуждения, внешних, давящих на него, идущих из прошлого форм (включая социальные, культурные и даже исторически-церковные), «развоплощающего» эти формы. И сама философия живет в мире этого будущего, оно для нее основа видения настоящего и размышления о нем.* Эта открытость в еще не воплотившееся в конечно определенные формы будущее, эта свобода удерживает от конструирования жестких логических, категориальных, понятийных систем.

Сегодня, мне кажется, об исторической роли России можно сказать, что она — не Мессия, явившийся откуда-то для спасения остального человечества. Она — тот реальный «фокус» истории, откуда могут начаться радикальные изменения, разрушающие старое и создающие новое, наиболее страдающая, болевая, рискованная точка, своего рода Голгофа, соединяющая для мыслящих людей всего мира амбивалентные начала: страх и надежду, отрицание и непреодолимое влечение.

И меньше всего это — торжество великодержавности или национализма. Наоборот, для духовного преобразования нужен уход из сферы политического и социального соревнования.

Я думаю, что мир постнеолитического будущего будет миром свободного многообразия форм жизни, при главенстве духовно-личностного творческого начала и в соответствии в нем формирующихся также многообразных форм общественной жизни. Эти формы, а может быть, и всевозможные их сочетания, могут быть различными у разных народов, будучи вторичными по отношению к духовно-личностной сфере жизни.

Основой же этого нового Мира должно стать «возвращение» к первичному религиозному отношению Я-Ты (в объективированной форме — Человек-Мир), обогащенному и наполненному теперь содержанием многотысячелетней истории. В христианстве задано это направление как общемировое. Русский человек по причине «недовоплощенности», наиболее открыт к принятию этого будущего. В этом смысле он универсален, является «всечеловеком» (Эта «недовоплощенность» позволяет так много осмыслить в русской истории, что, может быть, есть смысл — если это, в принципе, возможно — писать эзотерическую ис-

торию России. Описанная чисто эмпирически, она, как уже отмечалось выше, выглядит хаотично и малопонятно.) Только в этом смысле, мне кажется, можно понимать содержание того нового, что Россия может внести в мировое развитие.

Сейчас, когда Россию можно рассматривать как самую неблагоприятную в социально-экономическом плане среди больших стран мира, с новой силой неизбежно возникает старый, мучивший русскую мысль вопрос: является ли русский человек полностью «человеком массы», безвозвратно утратившим духовную глубину и «духовно навеки почившим»? Многие в наше время придерживаются именно такого мнения, например, А.П. Ланщикова, написавшая к книге Ивана Солоневича «Народная монархия» послесловие «Дар судьбы»:

«Кто же и когда снимет Россию с трехсотлетней дыбы, чтобы она смогла спокойно исторгнуть свой последний стон и с облегчением испустить свой последний вздох?

России уже не суждено возродиться, снятые с креста или с дыбы не возрождаются.

Они или воскресают, и не воскресают [13]. Существовало мнение, что этой духовной глубины и не было, что русский народ принял внешнюю обрядовую сторону христианства, а душа осталась варварски-языческая.

Из текста статьи читателю ясно, что я придерживаюсь противоположного мнения. Мне кажется, что, в отличие от эмпирически воплощенной части русской души, ее глубину, в силу ее «недовоплощенности», не так просто уничтожить, несмотря на совместные усилия Запада и собственных «властей предрежащих». Предположение о «недовоплощенности» русской души в эмпирическом бытии связано, конечно, с моими субъективными желаниями и надеждами, поскольку открывает некоторую возможность будущего, без чего я не могу себе эмпирическое бытие представить. Но мне кажется, что существуют и объективные основания для такого предположения, с некоторыми из которых я попытался познакомить читателя.

Философия, как я себе ее представляю, может лишь пытаться усматривать и исследовать тенденции, ведущие к будущему и чем более общим и отдаленным является это будущее, тем применимее оказывается философский подход. В целевой детерминации самое далекое будущее определяет более близкое, это близкое, в свою очередь — ближайшее. Поэтому без вопросов, поставленных в начале статьи, наше «реформаторство», даже если бы оно не было связано с корыстью и криминалом, обречено на дейст-

---

вия вслепую в погоне за ближайшими результатами, не учитывая результаты более отдаленные и общие, могущие оказаться решающими.

Например, в свете вышеизложенного ясно, что рыночная экономика, западная демократия и все, что с ними связано, не могут стать *основой* русской жизни. Может быть, конечно, России предстоит пережить искус рыночной экономики, как она пережила искус большевизма. Чем это кончилось, мы знаем. Я надеюсь и даже уверен, что «интегрировать Россию в цивилизованный мир» (имеется в виду западно-европейский), сделать основы жизни этого мира своими не удастся — как по причинам, связанным с характером русского человека, так и ввиду разворачивающегося глобального кризиса.

Западный мир, несмотря на еще продолжающееся по инерции внешнее экономическое процветание, во внутреннем духовном и психическом плане, плане культуры и в отношении к описанным глобальным кризисам уже «дышит на ладан». Это мир прошлого, «мир уходящий» вместе с господством научной формы мышления и технологии. И никакая смена научных парадигм (то есть конечно-определенных форм в рамках той же научности) здесь помочь не может, так как речь должна идти о совершенно новом сознании, в котором научное сознание вместе с отношением субъект-объект может существовать лишь «в снятом виде», играть подчиненную роль. В этом смысле, обостряя мысль, можно сказать, что даже *научные открытия, которые будут сделаны в будущем, уже принадлежат прошлому.*

Ориентация России на запад —
ориентация на уходящее прошлое

Ориентировать реформаторскую деятельность в России на западную цивилизацию — значит ориентироваться на уходящее прошлое. И вообще начинать реформы не с изменения сознания, а с копирования социально-экономического строя Запада, как будто бы не было всей русской культуры, литературы и философии, предупреждавших о гибельности для России подобных действий, — демонстрация величайшего невежества и глупости, а также преступного предательства. Мне кажется, что начинать надо было хотя бы на первых порах со сближения сознания с подсознательным «архетипом» русской души. Глубоко продуманные социально-экономические изменения должны были чутко *следовать* этим изменениям сознания, а не *предворять* их. Это было бы начало пути воплощения, реализации «предназначенности» России для постнеолитического будущего.

Уже допущение распада Союза, который при определенных условиях мог бы стать примером разнокачественной «цвете-

тущей сложности» (одна из характеристик органической системы по К.Леонтьеву), является, по моему представлению, преступлением. Важность для будущего многонациональной государственности понимал Н.Бердяев, видя в ее сохранении нечто положительное даже в ненавистном ему большевизме, за что был подвергнут остракизму в эмигрантской среде. То же самое значение придавал многонациональности России Н.Рерих.

При любых реформах нужно сообразоваться с будущим, начиная с наиболее отдаленного, и учитывать прошлое, из которого мы пришли именно такими, а не другими. А ближайшее будущее в значительной степени задается глобальным кризисом нашей эпохи. Попытки же внедрения в Россию рыночной экономики в качестве основы социального строя и связанных с ней форм жизни, включая массовую культуру, будут вести к дальнейшему развалу нравственной, культурной и экономической жизни, к «беспределу свинства», включая всеобщую криминализацию. Удача же такого внедрения означала бы гибель русской нации, а за ней и окончательную «дегуманизацию» человечества.

Вся русская история может быть пересмотрена под этим углом зрения. В частности, и Октябрь 1917-го можно понять не как козни кучки большевиков, за которыми вдруг пошли миллионные массы населения — это поверхностное суждение — а как реакцию, в значительной мере подсознательную, основной массы населения с его общинным сознанием на капитализацию России, начавшуюся после 1861 г. и интенсивно развернувшуюся в конце прошлого — начале нынешнего века.

Важнейшей предпосылкой движения России в будущее я считаю религиозное воспитание — в том смысле, в каком говорилось об этом в статье. Что касается общественных и экономических форм, то они могут быть различными (может быть и многоукладность) при обязательном условии их вторичности, служебной роли по отношению к духовным формам жизни и общения.

Я думаю, что может настать время, когда так же, как раньше ездили из России «за порядком» в Амстердам, будут ездить из Амстердама в Россию «за беспорядком», то есть за свободой. Да и сейчас, если иметь в виду *свободу* не в смысле возможности реализации желаний и целей индивида во внешнем эмпирическом плане, а как *несвязанность духа определившимися конечными формами, можно, пожалуй, признать Россию самой свободной страной в мире.* (Кстати, Н.А. Бердяев считал свободу не правом человека, а его обязанностью пред Богом.)

Россия — самая свободная страна в Мире. Запад поработен вещностью

Рабство у вещиности, в котором живет западная цивилизация, есть рабство абсолютное, смертельное для Человека, подмена гораздо более глубокая, чем любые диктаторские режимы (например, та же сталинщина), по сравнению с ним остающиеся поверхностными. Оно тем более страшно, что неискушенным сознанием внешне воспринимается как свобода. На самом деле сталинщина, будучи, может быть, величайшим в мире преступлением, калечащим душу народа, не затрагивала и не могла затронуть ее более глубокие слои, например, ту же потребность в харизматическом лидерстве. В настоящее же время Запад с помощью наших собственных властей предрержащих и всех средств массовой информации ведет наступление на тот «архетип» души, который делает русского русским.

В современной России нет оппозиции «властям предрержащим»

К сожалению, у нас отсутствует оппозиция. У так называемых «оппозиционных партий» (включая «коммунистическую») нет и не может быть радикально альтернативной программы, поскольку отсутствует понимание современного глобального кризиса и понимание того, что такое Россия. Вся соответствующая громадная литература как западная, так и русская от западников до славянофилов и мыслителей серебряного века для них просто не существует. Да она им не нужна и даже вредна, так как их интерес сводится к попыткам встать на место нынешних грабителей России, чтобы самим вволю пограбить.

Большинство крупнейших мыслителей, писателей и философов мира считали капитализм с его господством рыночной экономики самым бесчеловечным из всех известных социальным строем. Серьезная оппозиция в современной России должна была бы главной своей целью считать борьбу против рыночной экономики. Поскольку наша ныне существующая Конституция и законы приспособлены к рыночной экономике, смертельно противопоказанной России, в их рамках можно грабить Россию и уничтожать русский народ, но прекратить грабеж и уничтожение в этих рамках невозможно. Отсюда вывод: оппозиция должна опираться на противозаконные антиправовые действия, доверяя своей харизме, харизматическому лидеру и совести.

Говоря о современных попытках «реформаторства» в России, мне хотелось бы провести аналогию. В психотерапевтической практике часты случаи, когда родители, имея модель будущего для своего ребенка, ломают его собственную индивидуальность, вместо того, чтобы попытаться открыть ее и помочь ей в саморазвитии. Народы также обладают индивидуальностью. К.Леонтьев по-

казал, что распад крупных многонациональных новоевропейских государств шел под флагом борьбы составляющих их народов за особость своей национальной культуры. Но, что получив самостоятельность, они попадали в общее поле европейского капитализма, которое было гораздо сильнее каждого из них в отдельности, теряли свою индивидуальность, ради которой боролись, и становились похожими на окружающее их поле и друг на друга.

Одна из сторон универсализма русского народа (русской души) в течение всей его истории проявлялась в его практически беспредельной *способности уживаться с другими народами*, тем самым быть объединяющим их началом не на социальной, а на дружеской основе, могущей явиться фундаментом и государственного объединения. Если бы наши политики, наконец, поняли это (а большинство их не могут и *не желают* понимать) и пеклись бы о благополучии *своей* страны больше, чем о собственном кармане, то их целью стало бы возрождение России как многонационального государства в ее уникальном своеобразии. Разумной политикой России сегодня была бы политика сохранения ее особости и непохожести ни на Запад, ни на Восток, предоставления ей возможности вместо решения чужих задач сосредоточиться на своих собственных, поскольку *именно они в наше время и есть наиболее острое выражение задач глобальных*. Неплохо было бы задуматься об этом и политикам и бизнесменам западного мира, действия которых пока что направлены на экономическое использование России и попытки увлечения ее вместе с собой на гибельный путь к недостижимому фукуямовскому будущему.

Если пытаться делать прогнозы об общественной форме выхода из современного глобального кризиса (и если, как я надеюсь, он еще возможен), то я склонен без всякой иронии сказать: «Коммунизм — светлое будущее человечества» и единственный, на мой взгляд, радикальный путь преодоления этого кризиса.

Я имею в виду не различного рода социальные прожекты и конструкции, в течение последних столетий предлагавшиеся и критиковавшиеся под названием коммунистических как формы будущего общества, а наиболее глубокие идеи, к которым конвергируют первохристианство, коммунизм, анархизм, общинность, хомяковская соборность, бердяевская коммюнитарность, и «народная монархия» И.Солоневича. Все они предполагают устранение отчуждения Человека от себя самого и Мира, а сле-

Коммунизм — мыслобраз возможного будущего и выхода из глобального кризиса

довательно, устранение капитализма, частной собственности и рыночной экономики как основы общественной жизни, то есть устранение господства вещиности — наиболее глубокой тотальной формы отчуждения человека, когда он перестает быть самим собой. В статье нет возможности останавливаться на всех следствиях этого освобождения Человека, долженствующего начать собственно человеческую историю, развитие и раскрытие Личности. Представление об этом освобождении вдохновляло писателей, поэтов, мыслителей. Его художественно-образным и теоретическим описаниям буквально «несть числа».

В конце хочу еще раз повторить, что, на мой взгляд, в силу «недовоплощенности» русской души в ее глубине продолжает жить неистребимая потребность в харизматическом лидере. Царь обычно и выступал в качестве такого лидера, и в допетровскую эпоху получал от патриарха подтверждение своей харизматичности. Поэтому царь, по убеждению народа, не мог быть виноват в народных бедах: «Царь хороший, министры плохие». Аналогично: «Меня без вины репрессировали потому, что Сталин об этом не знает». Культ Сталина держался на вере массы населения в его харизматичность. В сознании миллионов он был духовным центром, конституирующим целостность, единство и братскую солидарность народов, населяющих Союз. Это убеждение и было выражением той самой «святости», которая удерживала русский народ (и другие народы Союза) от впадения в «свинство».

Отечественную войну выиграл не Сталин, но вера массы советского населения в него как в харизматического вождя, ведущего народ к осуществлению *великой общечеловеческой идеи коммунизма*. Эта идея (и потребность в ней) была настолько глубока, что для большинства оставалась мощной силой, сплачивающей население в единый многонациональный народ и заставлявшей оправдывать даже жестокость сталинского режима, как необходимую для ее осуществления. В среде интеллигенции она зачастую порождала феномен своеобразного «двойственного сознания», требующий еще своего философско-психологического исследования и показывающий более, чем «архетипическую» ее глубину. И потому проблема движения к коммунизму не есть проблема политико-экономическая, но проблема радикального изменения духа и сознания.

Коммунизм не может быть построен. Он не строится. Он должен органически незавершимо (как и личность) расти, и

корни этого роста в нравственном личностном самосознании, а отнюдь не в производстве материальных благ, рыночной экономике и соответствующей «демократии», неизбежно ведущих к вещному вырождению Человека, его деградации как личности.

По-видимому, именно с радикального преобразования самосознания должна начаться постнеолитическая фаза (напоминающая этим начало палеолита) антропогенеза, чтобы стать фазой органического саморазвития самого Человека вместо развития неорганического тела машинной цивилизации. Без этого современный глобальный кризис непреодолим.

Большевизм, рядившийся в тогу коммунизма, также, конечно, был подменой. Ныне людей, носящих портреты Ленина и Сталина и большевистские лозунги, обвиняют в желании вернуть ленинские и сталинские репрессии. В действительности эти люди также жертвы подмены. Так они выражают глубокую подсознательную потребность в харизматическом лидере, как центре, обеспечивающем внутреннее чувство духовного родства и целостности, своего рода «соборность». Одновременно это подсознательный протест против «сборности» западной демократии. И это одна из основных характеристик русской нации. Эти люди правы, выступая против наших «демократов», стремящихся «интегрировать» Россию в семью цивилизованных народов, что означало бы для русского народа впадение в «свинство» (которое сами демократы успешно и демонстрируют), а для мира в целом уничтожение единственной еще оставшейся на Земле нации, сохраняющей потенции к возможному духовному возрождению Человека.

Недоволощенность русского народа в социальное бытие может помочь ему в преодолении кризиса Неолита и выходе в постнеолитическую фазу

Впрочем, мне кажется, что здесь именно недоволощенность русского народа может помочь ему (глубоко под- или сверхсознательно) сопротивляться внедрению в Россию западной цивилизации: вещному отчуждению, имеющему основание во «внешней целесообразности», не так просто добраться до внутренней недоволощенной во вне духовной основы Человека как Личности.

Поэтому возможно, что Запад ранее истребит духовную сущность Человека в себе, чем ему удастся это сделать в России, несмотря на помощь русских «властей предрержащих».

-
- 1 *Непомятый В.* Пророк //Новый мир. 1987. № 1.
  - 2 Атеистические чтения. М., 1979. № 10. С. 23.
  - 3 Атеистические чтения. М., 1979. № 10. С. 24.
  - 4 Вопр. философии. 1990. № 3.
  - 5 *Литвинец Н.* Предисловие // Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге. — М., 1998. С. 5.
  - 6 Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 49.
  - 7 Там же. С. 181.
  - 8 *Лосский Н.О.* Характер русского народа. Кн. первая. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. С. 44.
  - 9 Там же. С. 22.
  - 10 Там же. С. 29.
  - 11 Там же. С. 9.
  - 12 *Зеньковский В.* Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1955.
  - 13 *Солоневич И.* Народная монархия. М., 1991. С. 511.